

18+

НИКОЛАЙ БРЕДИХИН
Маленький Лох-Несс

Повести и рассказы

Николай Бредихин

Маленький Лох-Несс.

Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40940539

ISBN 9785449095183

Аннотация

Сборник «МАЛЕНЬКИЙ ЛОХ-НЕСС» писателя НИКОЛАЯ БРЕДИХИНА посвящён «лихим 90-м». Развал некогда великой державы, миллионы людей, умирающих от отсутствия квалифицированной медицинской помощи и недоедания, десятки миллионов, оставшихся нежданно-негаданно за пределами своей Родины. Но и оставшимся выпала нелёгкая доля. Разгул бандитизма, попрание всех норм морали и нравственности, оголтелое воровство, жизнь по указке извне, распутство, разнузданность порвали в клочья сложившийся вековой уклад.

Содержание

Маленький Лох-Несс	6
Повесть	6
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвёртая	36
Глава пятая	39
Глава шестая	47
Глава седьмая	50
Глава восьмая	56
Глава девятая	61
Глава десятая	67
Глава без числа	73
Мутные воды, река Сомнение	77
Часть первая	78
Глава 1	79
Глава 2	85
Глава 3	90
Глава 4	94
Глава 5	99
Глава 6	102
Часть вторая	105
Глава 1	105

Глава 2
Конец ознакомительного фрагмента.

109

113

Маленький Лох-Несс

Повести и рассказы

Николай Бредихин

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2020

ISBN 978-5-4490-9518-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Лихим 90-м

Фантом

По лепесткам души,
По лепесткам воспоминаний
Плетусь сквозь боль
Сознаний и созданий.

Маленький Лох-Несс

Повесть

Орда

Шутка

*Ни кола, ни двора,
Город наш —
Совсем дыра.
Захватила его как-то
Хан-батыйская Орда.
Вот сидим
И ждём, когда
Уберётся та Орда.*

Глава первая

в которой рассказывается о том, как объял землю Русскую хлад и глад, как братки-разбойнички шалят, а купцу-молодцу от них и деться некуда.

– Ну и что дальше? – Вася Колобов поднял голову от карты и, так и не дождавшись ответа от друга, продолжил: – Не хочу выглядеть дятлом, но в сотый раз напоминаю: я тебя предупреждал. Теперь полный тупик. Прямо поедем – на основной костяк бригады нарвёмся, у них автоматы и гранатомёт – у нас с тобой ничего, кроме гаечных ключей: трясли на каждом перекрёстке. Справа и слева – молодняк. Эти похуже даже, вообще отморозки. Приехали, Палыч. Да ты не молчи. Они нам на раздумье и пяти минут не дадут, сразу начнут сближаться. И ни на что не надейся: «гадобэдэдэшников» больше не будет, они своё дело сделали – остригли нас до мяса, теперь придут люди, которые возьмут всё, в том числе и наши жизни. Сматываться надо, сматываться, Саша. Оставлять машину, груз и «делать ноги». Я, во всяком случае, был с тобой до конца, но сейчас уйду.

– Ты знаешь, сколько я должен? – тихо спросил Румянцев. – Мне один чёрт умирать: что сейчас, что потом. Уж лучше сейчас. По крайней мере, может, семью не тронут. Как ты считаешь, оставят они их в покое?

Колобов нехотя пробурчал, пожав плечами:

– Это смотря у кого занимал. А то деятели такие найдутся, что счётчик на несколько лет включают – весь выводок твой в рабство возьмут. Им всё равно с кого получать, лишь бы получить.

Оба какое-то время молчали, затем Румянцев выключил фонарик, освещавший карту.

– Ну а если назад, в город? – осторожно поинтересовался он.

– А, ну там точно «га-ды бэ-дэ-дэ». «Откуда вещички?» И вправду, откуда? Приборы, деталюшечки разные, о-о-чень интересные, цветного металла чуть ли не с тонну! Большая часть этого добра, конечно, внезапно куда-то подевается, но и того, что останется, вполне хватит, чтобы и тебя, и ребят, которые тебе его сосватали, надолго в «места не столь отдалённые» упрятать.

– Да не о том я, – с досадой оборвал Колобова «Палыч». – Помнишь, мы мимо проезжали, Женьку Русанова вспомнили, даже колебались, не заехать ли к нему в гости? Ну так почему бы и не заехать? Гараж у него будь здоров какой, да и коттедж метров на двести квадратных полезной (!) площади, наверняка найдётся где переночевать. Если, конечно, мужик не «ожлобел».

Колобов даже заёрзал на сиденье от возмущения.

– Ага, «ожлобел»! Это, скорее, ты надумал в жлобы податься, да вот не судьба, рылом не вышел. А я с Женькой

и переписываюсь, и открытками поздравительными обмениваюсь регулярно, в гостях даже несколько раз был. Зачем вот только ты друга подставить хочешь? Непонятно. Со мной заодно?

Румянцев криво усмехнулся.

– Ну, без тебя, во-первых. Ты же, как мне помнится, сбегать хотел? А во-вторых, почему подставить? Просто навесить.

– Так они нас всё равно отследят, неужели не понимаешь? – разозлился Колобов. – За ночь отыщут. А тогда уж каюк не двоим, а вообще всех в доме, от мала до велика, вырежут.

– Ну, это как сказать, – скептически покачал головой Румянцев и снова осветил карту, – пораскинь мозгами: если вот так, а тут так махнуть, сколько бы ты дал мне форы?

– Максимум пять часов.

– Хорошо, ну а если мы машину по пути где-нибудь бросим, а груз на женькиной «газели» перевезём? Есть ведь у него «газель», с памятью у меня всё в порядке? Тогда сколько времени?

Колобов не выдержал, вспылил.

– Сколько, сколько! Палыч, ты как был, так и остался козлом упрямым. Повторяю для особо тупых: сколько ни дай, финал неизменен.

– За козла ответишь? – беззлобно поинтересовался «Палыч».

– Ладно, пусть ты будешь «морским козлом», устроит тебя?

– Это ещё что за зверь? – удивился Румянцев. – Есть такой?

– Ну а как же! Ты как раз и по знаку зодиака – Козерог, помесь морского козла и козла, поднимающегося в гору. Так вот всегда нахрапом и берёшь.

Русанов не подвёл, во всяком случае «козлом» не оказался. И, лёжа на диване, Румянцев долго ворочался с боку на бок, не в силах понять, где же он допустил столь роковую ошибку? Вроде бы всё было десять раз рассчитано-пересчитано, а сколько ни примеривал, отрезал всё равно наперекосьяк. Вышел в отставку командиром подлодки, но пенсии, как водится, не хватало, а детей-внуков наплодил сверх меры. Решил подзаработать: занял деньги и подался к друзьям в Мурманск – нежданно-негаданно в родном городишке подвалил заказ на всякую металлическую дребедень. Стоп, вот здесь, по всей видимости, и была «подстава», с самого начала было задумано его грабануть. А теперь ещё неустойку придётся платить, что подвёл заказчика. Эх, всех он подвёл своей наивностью: сунулся туда, в чём ни уха ни рыла не смыслил. Васю Колобова, закадычнейшего своего друга, под дуло автомата подставил, теперь вот Женьку со всей его семьёй. Чёрт, как эта проклятая сухопутная-беспутная жизнь ломает людей! Неужели конец их морскому братству?

Редактор местной газеты «Нижекопьевская правда» Павел Аверкиевич Жогин лениво просматривал снимки, представленные ему фотокором Вале́й Попокиным.

– Ну вот, опять чернуха да порнуха, – по привычке нудил он. – Неужто нельзя дать народу чего-нибудь чистого, светлого? Ты посмотри, что тут у тебя: интервью с владельцем казино «Марс» – известным бизнесменом-бандитом Витюшей Масловым по кличке Витя Шампур, прозванным так за свою особую, пламенную любовь к прекрасному полу. Что это, Валя? Реклама, не скрытая, а нарочитая, наглая реклама. Он хоть и бандит, пусть платит. Правда – она во все времена дорого стоила, что изменилось теперь? Или вот ещё – фото митинга коммунистов. А кому и на кой хрен, спрашивается, они сейчас нужны? Нет, ты знаешь, какая перед нами поставлена сейчас основная, глобальная по своим масштабам задача?

– Конечно, – угодливо поддакнул Валентин. – Включение родного и обожаемого Нижекопьевска нашего в Золотое кольцо России, старинных русских городов.

– Вот-вот, – оживился, воспрянул даже от своей сонливости Жогин. – Чем мы хуже, скажем, того же Суздаля или Ростова Великого? Да наш город чуть ли не на полвека старше Москвы. Сейчас все силы брошены на создание достойного образа нашей «малой родины», а ты мне харю какого-то Витьки Шампура, которая в объектив не влезает, хоть и масляная, суёшь. Или коммунисты. Да не может быть в досто-

славном старинном русском граде каких-то вшивых комму-
няк. Просто не может быть. По определению.

Валя Попокин действительно на попу никак не тянул, как по духу своему, так и в силу весьма хилого телосложения. Так, попок. Но ведь попок! Причём тут «простое русское слово», смешнее которого Илья Ильф и Евгений Петров якобы ничего не знали на свете? Работа в редакции вообще Вале не задалась. Образования соответствующего у него не было, взяли его из простых фотографов, да и пришёл он, когда все значительные, хлебные места были давно уже обсижены. А он очень любил писать, да и с одних только снимков прокормиться было совершенно невозможно. Вот и рыскал он с утра до вечера в поисках самой захудалой работёнки. Однако всё сметало «простое русское» невезение. Да вот и пить Валя не умел – ещё одно весьма досадное качество. А пили в «Нижекопьевской правде» не то чтобы по-чёрному, но от души, то есть просто-напросто не просыхали. Нет-нет, в рабочее время ни-ни, разве что одному редактору было положено, однако вход в его кабинет в таких случаях охраняли, как Оружейную палату (или что там ещё есть из национальных достояний? Ах, да – Алмазный фонд!). Но вот в пятницу... А кто в наше время свят? Ну а в праздники, в праздники понятия «отчего дома» для «нижнеправдинцев» вообще не существовало. Коллектив «горел» на работе. Где пил, там и спал, где ел, там... в одно мгновение решались все, копив-

шиеся месяцами вопросы. Ну а Валя... Валя («Не орёл! Со-
всем не орёл!») после первой же рюмки впадал либо в жуткое
занудство, либо в лёгкую агрессию. Получал соответствен-
но, даже от женщин. Ну и в вопросах секса, что тоже нема-
ловажно, действовал как петушок: налетал с пылом с жаром,
но больше чем на две-три минуты его обычно не хватало.

«Ладно, ладно, я ещё вас удивлю, – обычно бормотал про
себя после подобных редакторских разносов Валентин. – Вот
уйду к Мишке Айзенбауму, попляшете без меня».

Конечно, никаких шансов попасть в «Нижекопьевскую
пчелу», появившуюся в городе сразу же на гребне перестрой-
ки и завоевавшую бешеную популярность, у Вали Попокина
не было, там работали профессионалы не чета ему, да и зара-
батывали вдвое, а то и втрое больше. И тем не менее Мишка,
который в не столь отдалённые времена ни о чём выше долж-
ности спецкора заводской многотиражки и мечтать не смел,
как-то, уже будучи важным барином, на совещании у мест-
ного главы похлопал Валию по спине со словами: «Ну что, Ва-
лентин, как дела? Растёшь на глазах. Талант у тебя, талант!»
Что позволило «простому русскому парню» предположить,
что Миша спит и видит его в своей редакции и что он, По-
покин, может в любой момент запросто к нему перебежать.
Чего на самом деле, разумеется, и в помине не было.

Жена сразу по Валиному виду поняла, что муж в очеред-
ной раз подвергся «редакторской порке». А стало быть, все
выходные будет где-нибудь пропадать. Ладно, бог с ним, мо-

жет свадьба подвернётся или похороны, хоть немного денег подзаработает. Однако на сей раз Валя удивил её, заявив, что отправляется на рыбалку. «Рыбалка, на кого? Какая-нибудь выдра, камбала, вобла сушёная?», – вертелась в голове Лиды Попкиной мысль, но проверить её не было никакой возможности. Встать в такую рань и тащиться за мужем по темноте – после подобных сексуальных фантазий можно было смело записываться в пациенты местной психушки, которая была единственной в городе, но, по странному стечению обстоятельств, среди всех больниц носила номер 6.

– Ты там, если поймаешь чего, не выбрасывай, Соньке будет разнообразие в меню, – решила всё-таки поддеть Валю жена, собирая ему харч с вечера. На что Попкин важно кивнул, хотя оба прекрасно знали, что кошка Сонька шарахается в сторону от речной мелкоты, как от автомобильных выхлопов.

Валера Ломов, соответственно своей фамилии носивший вполне приличную кличку «Лом», главарь местных «блатарей», недоумённо взирал на кучу металлолома, доставленную ему его ближайшим советником (читай: консьюльери, как у сицилийцев) Митей Проценко («Митя Процент») и раздумывал, какую козу сделать своему не в меру ретивому консьюльтанту.

– Ну что, Митя, попал?

– А в чём проблема, Валерий Витальевич? – попытался

прикинуться дурачком верный Митя.

– Ну как же, послали парня «туда, не знаю куда», думали, не привезёт он «то, не знаю что». А он привёз, слышишь, привёз! И с долгом полностью расплатился. Это как понимать? И на кой хрен, скажи, мне теперь эти железяки? В металлолом сдать?

Процент не сдавался, намерен был сражаться до последнего.

– Железяки я продам, с прибылью, не извольте беспокоиться.

– Кому? Японцам, взамен Северных территорий?

– Да нет, клиент уже имеется, солидный, со Старого Арбата, хлам этот пойдёт под видом кое-чего, что удалось вынести с подводной лодки «Комсомолец». Глядишь, заказов вообще будет хоть отбавляй по меньшей мере на год вперёд.

Лом уже не знал, то ли ему «врезать по лицу» Проценту, то ли расхохотаться. Да хрен с ним, с Митей, пусть хоть свои деньги выкладывает. И всё-таки прокол, явный прокол.

Уже в бане, с парилкой, по-русски (все эти сауны, дребедень финскую, Ломов начисто отрицал: сердце посадишь, особенно по пьяному делу, – и не заметишь как), Валерий тщательно восстанавливал в памяти ход событий, постоянно морщась, так как не нравилось ему, очень не нравилось то, что в последние два года происходило. Раньше всё просто было: поделили город на части, которые, собственно, испокон веку были: зачем, скажем, мальчику с Репенки пылить

по Рабочему посёлку? Действительно, зачем? И пылил мальчик обратно, уже утираясь кровавыми соплями. Но просто так – из принципа. А тут закутились большие деньги, не надо было ни воровать, ни даже отбирать – сами давали. Благословенное время. И не хлопотное: и «деревянные», и «зелёные» денежки со всех сторон притекали, прокручивались в пирамидах, банках. Канары, Багамы – отдыхали сколько душе было угодно и не с кем попало. И дела шли прекрасно, как по маслу, мог бы большим человеком стать. Вон, скажем, Жора Иорданский (не кликуха – фамилия!), один из самых значительных авторитетов в Краснорецке, такими фигурами двигает! А трясётся как осиновый лист. Пожаловался как-то ему, Лому, при встрече в Москве: «Эх, Валера, и куда меня понесло, никого нет своих, никому я там не доверяю. Таракана убили, Яшка Хорёк со мной отказался ехать и, между прочим, не прогадал. Ну а ты как? Некоронованный царь в нашем родном Нижнекопьевске? Ладно, за заботу о матери, брате спасибо. Если что понадобится, только дай знать. Ребята у нас хоть и не сибиряки, а и Белке, и Стрелке сразу оба глаза навскидку свинцом заплюют».

Что ж, в жизни всё может пригодиться, ни от чего нельзя отказываться. Любую неприятность лучше всего упредить, чем потом расхлёбывать. Киллер из Краснорецка – это очень хорошо, хотя сам Жора не вызывал у Лома никакого почтения. Интеллигент – одно слово! Сынок директрисы самой большой в городе комиссионки, вдруг пошедший по пло-

хой дорожке. Иконки, иностранцы, потом церкви, музеи. Его подручный, Таракан, прозванный так за свой маленький рост и шустрость, в любые пещеры «алмазные» без мыла пролезал.

– Ещё парку, Валерий Витальевич? – уважительно спросила Нюрка Сысоева, лучшая в городе банщица.

По первому зову прилетела она, запыхавшись, из Осёнок, за пятнадцать километров, из первого и до сих пор не превзойдённого в городе «помывочного» комплекса, радостная, сияющая. Даже перед такой – поблекшей, раздобревшей Сысоихой не мог устоять Ломов, исходил потом, слюнями. И сейчас со сладостным предвкушением перевернулся на спину. «Поддай, поддай, Нюра, парку!»

Поговаривали, что и сынок Нюркин Витька – сын Лома, да ведь, что называется, слова к делу не пришьёшь. Во всяком случае, именно Валерий спас Витька от первой ходки к «хозяину» и даже дал ему работу – в хорошую «бригаду» определил.

Потом, в бассейне, никто Лома не тревожил – это были его лучшие часы. Лишь насладившись полностью прохладной в меру водичкой, он нажимал кнопку, вызывал братву, либо девок молодых, ярых, либо просто халдейку с хавкою, то бишь официантку с дорогой, изысканной жратвой.

Глава вторая

из которой читатель узнает о золотом колечке, царском крыльчке, колоколах, звонящих из-под земли, индейском вожде, нижнем копье и прочих милых русскому сердцу седой старины преданиях.

Юрий Денисович Уткин, глава местной администрации, со скукой взирал из президиума на собравшуюся в конференц-зале разношёрстную публику. Большой зал, оказавший бы честь хорошему кинотеатру, был не просто полон, люди стояли в проходах, сидели на ступеньках. Ничего подобного здесь уже лет двадцать как не наблюдалось. «Господи, сколько же их ещё осталось! Как только не вымерли!» «С кем вы, мастера культуры?» Действительно, с кем и с чем? «Как живёте, караси?» – «Ничего живём, мерси!» Это ведь про вас теперь. Неужели ещё придёт то время, когда с вами вновь считаться придётся? А ведь считались когда-то. Жданов, Суслов, Сталин – умнейшие люди. Да и сейчас, на Западе, попробуй-ка с «этими» не поделиться. Мозги – они всегда мозги: если им что-то не дать, сами возьмут либо такое устроят – чертям тошно станет. Где же у здешних-то «мастеров» мозги, может, совсем другим местом думают?

Этот вопрос даже несколько тревожил Уткина. «А сдю-

жат ли?» Лица, где испытые, где недокормленные. Вот директор Дворца юного техника (умопомрачительное словосочетание!) сидит в истёртых до дыр джинсиках. Никаких других брюк у него нет – это Уткину доподлинно известно. И выхода никакого – премировать брюками неудобно, а дашь деньгами – либо проест с семьёй, либо не удержится, самолично пропъёт. Есть, конечно, и люди вальяжные, с двойными и даже тройными подбородками, но это «свои». У «этих» мозги действительно в нужном месте. Хотя опять же, интересно, о чём думают? Тот же Боря Гридин – вор каких мало на ниве «народного» образования, зачем, спрашивается, нужно было ему ехать в служебную командировку в Бельгию с любовницей? Особый шик?

Уткин рассеянно слушал доклад своего зама Конобеева: «Оказана честь... Однако предстоит пройти тщательнейшую аттестацию... Готовы ли мы? Каждый должен себя спросить: «Готов ли я?»... Появится возможность не только несравненно приукрасить наш город, но и создать дополнительные рабочие места, очень много столь необходимых нашему городу рабочих мест для рабочих рук».

Ну, насчёт «несравненно приукрасить» – это, без сомнения, перл, но в остальном Лёху Конобея учить – только портить. Дальше предстояло Уткину самому выступать, после чего он рассчитывал потихоньку, сославшись на занятость, смыться, однако кое-что на сей раз удерживало его. А именно – речь заведующего отделом культуры, бывшего

директора местного краеведческого музея Родиона Славкина. Быстро сориентировавшись в новых веяниях, Родион издал на средства, выделенные его отделу, книгу под названием «Нижекопьевские сказания», в которой переврал всё что только можно из местных преданий, однако его «открытия» в корне меняли издавна сложившиеся представления о «городе трёх рек». Уткин недаром распорядился пригласить на совещание даже пенсионеров-«культурников», дабы заранее знать, что можно было использовать из «достославных» «открытий», а что отнести на счёт фантазии автора.

Реакция была на редкость бурной. Однако, приглядевшись, Уткин заметил, что оппонентов у Славкина было не столь уж много, просто страсти вспыхнули сразу и разгорелись не на шутку. К счастью, за спиной крикунов, похоже, никто из врагов самого Уткина не стоял, что было для него немаловажно. Многие, очень многие в городе считали затею с Золотым кольцом предвыборным трюком Юрия Денисовича, но никто даже не подозревал истинных его намерений: друзья Уткина ещё по партийному цеху настойчиво звали его в Москву. Уже и должность была ему приготовлена, и площадка для будущего взлёта. Но уезжать следовало на коне, достигнув в местных масштабах пика. Даже жену Уткин не посвящал в свои планы, однако Даже жену Уткин не посвящал в свои планы, однако в Москву он точно отбыть собирался на коне или просто на личном автомобиле.

– Нижнепрокопьевск – какой может быть Нижнепроко-

пьевск! Причём тут Прокопьевский монастырь? – особенно эмоционально выступал какой-то бывший учитель истории. – Сменить название родного города, название, которому девять веков! Это профанация! Самая что ни на есть профанация! И зачем?

Юрий Денисович понял, что заму с возникшей ситуацией не под силу будет справиться, решил самолично вмешаться в разгоревшийся спор.

– К сожалению, у нас нет сейчас достаточно времени, чтобы вдаваться в подробности, но, судя по энтузиазму, который мы наблюдаем в зале, равнодушных к столь долгожданному и чрезвычайно важному моменту в истории нашего города здесь нет. Хочу особо отметить, что инициатива такой важной чести для нашего родного Нижнекопьевска исходит не от местных органов, а конкретно из Москвы и, естественно, согласована со всеми инстанциями, вплоть до Института истории при Академии наук Российской Федерации. Упоминаний и в летописях и в мемуаристике о нашем граде, как вы знаете, предостаточно, вопрос лишь в том, насколько привлекательной мы представим нашу «малую родину» для огромного числа туристов, в том числе и иностранных, в проекте-обосновании, который разрабатывается сейчас администрацией. Что построить, как организовать – тут трудностей нет, мы к этому шли, сами не подозревая о том, целых десять лет. Но сущность, историческое значение, роль в современной культурной жизни России – без вас, собрав-

шихся в этом зале, такой вопрос нам точно не охватить. Поэтому предлагаю продолжить всё-таки дебаты по книге Родиона Касьяновича, но очень коротко, избрав в заключение специальный комитет при подготовительной комиссии, который бы особо занялся исторической и культурной частью того проекта, о котором я уже упоминал.

Как и предполагал Уткин, дальше выступления следовали достаточно умеренные: Нижнепроекопьевск... Почему бы и не Нижнепроекопьевск? Ведь именно в таком варианте название города дважды (!) упоминалось в летописях, причём в самых ранних. Ошибка переписчиков? Ой ли? А почему бы и не наоборот – дальнейшие упоминания не считать подобной ошибкой?

Капитан второго ранга Румянцев в подводный флот попал по мечте. Начитался в своё время Жюль Верна, Григория Адамова, Александра Беляева. Да и кто из старшего поколения не бурчал себе под нос популярнейшую песню: «Нам бы, нам бы, нам бы всем на дно...»? «Там бы, там бы, там бы» вина и водки довелось капитану Румянцеву выпить немеренно. А сейчас сидел он со своим стариннейшим другом, старпомом Васей Колобовым, и размышлял, хватит ли одной бутылки для столь ответственного решения, или всё-таки стоит новую открыть.

– Не, не, Палыч, – отмёл его сомнения Колобов. – Мне точно хорош! Уже не ходок по этой части. Да и чего решать?

В прошлый раз уже обо всём переговорили. Я «за», Женька тоже. Будем считать, что принято единогласно. Ты меня, кстати, извини, что я тебя тогда «жлобом» назвал, я понимаю, здесь совсем в другом дело.

С тем и отбыл Василий в родную обитель, жене под бок, а капитан Румянцев в который раз уже долго размышлял, не слишком ли большое дело он затеял, по маленькой бы лучше, по маленькой – по маленькой всегда верней. Но вот как раз по маленькой-то на сей раз и не получалось.

Юрий Денисович задумчиво крутил пальцами авторучку. Он как никто другой, понимал, какие выгоды сулило его родному городу драгоценное «золотое колечко». Но и прослыть посмешищем на всю Россию, явив миру новоявленный город Глупов, – такого для родного Нижнекопьевска Уткин совсем не желал.

Он ещё раз внимательно перелистал злополучные «Сказания». Некоторые из них были знакомы ему с детства. Легенда о подземном ходе, тянувшемся из местного Кремля через Волгу до самого Прокопьевского монастыря, – насколько она была вероятна? Совершенно невероятна. Однако чем объяснить столь чудодейственные успехи в обороне родного города, которые всегда сопутствовали нижнекопьевцам? Только один раз был город покорён – татарами, но против той орды всякое сопротивление было бесполезным. Собственно, чем этот ход мог заинтересовать туриста? Если, к примеру,

не только найти его, но и восстановить? Своего рода аттракцион ужасов. Да наверняка там и клады замурованы, где же ещё их было прятать? Ну а насчёт названия города – давняя закавыка. Ведь ни Верхнекопьевска, а уж тем более Среднекопьевска на много верст вокруг никогда и в помине не существовало, почему же именно Нижнекопьевск? Изощряясь в фантазиях, доходили даже до предания о древнем индейском вожде по имени Нижнее Копьё, от которого-де, в силу необычайной его плодовитости индейской, и пошло практически всё население здешних краев. Но как могло занести в такую даль этого вождя треклятого в доколумбову-то эпоху? А может, всё-таки копи, а не копьё? Тогда уж точно ничего постыдного. Добывали здесь руду либо уголь, были и Верхние копи, да быстро выработались. Хорошее, солидное объяснение, зачем же старца Прокопия сюда приплетать? Монастырь-то в его честь гораздо позже был заложен, да и пещера памятная, в которой тот святой жил, опять же, весьма далеко от сих мест находится. Одна лишь зацепка – миф о чудовище-ящере, которое вроде как с древнейших времен в здешних водах обитало и с которым Прокопий вёл переговоры, сумев окончательно его укротить.

«Всё-таки, как ни крути, копи. Научно, логично, какого рожна им ещё надо? – с гордостью за свою сообразительность подумал Юрий Денисович. – Тоже мне, краеведы хреновы, до такого простого варианта не могли додуматься. Пусть теперь попробуют мне эти копи не найти!»

Валерий Ломов тоже, как депутат, присутствовал на встрече с интеллигенцией города, проводимой Уткиным, однако «конференция» произвела на него гнетущее впечатление. «Козлы! Ох, козлы! Мозги с голодухи совсем истончились. Простых вещей не могут придумать. Профессионалов-лохотронщиков, что ли, подключить? Те такое закрутят!» Однако местный патриотизм всё же сидел в Ломове глубоко. Как не поверить в то, что усвоено с самого детства? Подземный ход к Прокопьевскому монастырю! Вот где деньги: иконы, утварь ценная! Любой пацан памятных послевоенных лет мог бы через толщу времён в Нижнекопьевске стать миллионером. Старинных книг, монет, поделок всяких в городе вращалось без счёта, купить их можно было за сущие гроши. Что говорить о серебряных рублях, полтинниках сталинских, да только откуда у пацанов тех лет были деньги, так называемый первоначальный капитал? Соблазны подстерегали их буквально на каждом шагу. И мороженое за четыре копейки (всего-то!), и конфеты-подушечки (так называемая «Дунькина радость»), мячик резиновый, маленький – и то сколько счастья приносил. Валера Ломов знал места, терпеливо копался в разрушенных домах купеческих, а уж церкви-то вообще тогда стояли бесхозные. Ездил в Москву, продавал за гроши свои находки, но капиталу всё равно прибавлял и прибавлял. И ведь учил же его один старый друг: чем угодно занимайся, не касайся только трёх вещей –

золота, оружия и валюты, потому что это дело уже не милиции, а КГБ, вмиг спалишься. Нет, не послушался, загрел мел к «хозяину», столько времени впустую потерял! Впрочем, впустую ли? Не получилось из него самого собирателя – стал грозой коллекционеров. А теперь вот «глава», «синий», то есть «блатной», но «глава». Ещё неизвестно, кто выше. Впрочем, с Уткиным шутки плохи, предпочёл отдать город во власть краснорецким «спортсменам» -бандитам, лишь бы не терпеть зарвавшихся местных уркаганов.

«И все-таки, не создать ли в городе какой-нибудь Клуб юных следопытов, пусть порезвятся новоявленные пионерики, авось даже если не подземный ход, то что-нибудь всё-таки раскопают?»

Почти одновременно с ним принял решение и Юрий «Деникинович» Уткин, который так и не смог уснуть после столь удачно найденного варианта с «копиями», вот только ставку он сделал на другое предание: храмы, ушедшие под землю, наподобие китежских, при нашествии татар. Нижнекопьевская панорама, ни больше ни меньше. Историческая оборона города с подземным ходом, через который защитники наносят удар в спину врагам. Однако те не унемем, а числом всё же побеждают, и тогда три храма местных с главными святынями своими уходят под землю, не переставая звонить в колокола и возвещая затем постоянно о неизбежном скором избавлении от ненавистного иноземного ига.

Осталось только деньги из областной казны выбить, да

спонсоров к подобному проекту подключить.

Глава третья

*гласящая о том, что не все большие дела людьми великими творятся,
а и от маленьких людишек бывает иногда какой-никакой прок.*

Родя Славкин был просто ошеломлён набросками высококого начальства. Какой размах! Но главным было другое: впервые в жизни ему самому предстояло в полную силу развернуться. Так и сказал Уткин, передавая ему свои «исторические записки»:

– Ты уж, Родион Касьянович, не скромничай, любые самые завиральные идеи только приветствуются. Буду предельно откровенен с тобой, идея о Золотом Кольце пока пробивается с большим трудом, вот я и решил зайти с другого конца. Сделать, что можно, а уж там пусть приезжают да и судят по готовенькому.

Уткин ещё раз, как полководец перед сражением, внимательно обдумал каждый момент предстоявшей битвы. Деньги. Деньги будут, и их ожидается достаточно. Торговый комплекс у панорамы, центр развлечений и досуга, растекающийся вдоль стен местного кремля, строительные подряды, воскресаящий разом из мёртвых гостиничный бизнес, гро-

мадный оформительский кус. Всем найдётся работа. Фирмы, фирмочки: Юрий Денисович так и видел, как их владельцы, которых он прекрасно знал, выстраиваются перед дверью его кабинета с конвертами в руках, а там денежки, хорошие денежки. Никому он лакомые кусочки просто так не отдаст, деньги ему самому в Москве ой как пригодятся.

И всё-таки, не подведёт ли кто, не разразится ли какой скандал? Ну, Борю Гридина, гниду эту, если тот попробует опять что-то вроде достопамятной Бельгии сотворить, он просто в порошок сотрёт. И так пришлось хорошего человека на пенсию отправить, расчистив для Бори место директора музыкального училища, хотя Гридин Шопена от Шуберта отличить не мог. Но бывают же такие, кто не может отличить Шопена от Шопенгауэра – и ничего, успешно этими самыми шопенгауэрами руководит. Скандал замят, во всём вроде как оказалась виновата Борина любовница, Люська Озерецковская, административная букашка, та ещё стерва: хитро, обманув всех и вся, пролезла, израсходовала средства, начальника своего непосредственного подвела.

Что там ещё? «Мастера культуры»? Трудятся, трудятся «мастера». Средства городом выделяются, расходуются, где-то и исчезают, понятное дело. Но здесь соображения больше профилактические: скоро, скоро пойдут настоящие деньги, и уж тут никак нельзя допустить, чтобы они уходили в песок.

Строители строят, ремонтники ремонтируют. Если верить бумагам, то город от края до края, вдоль и поперёк,

жаль только не снизу доверху, по семь раз заасфальтирован, а места есть такие, что только на танке можно проехать, но зато есть и другие места, где хоть губернатор, хоть президент кати – ни единой колдобины не увидишь.

Медицина местная – и лекарств любых, и оборудования наиновейшего сверх всякой меры. Как быть иначе? Ведь и самое высокое начальство в городе такие же простые смертные. Ну не для всех, конечно, такая медицина. Врачи за всё взятки дерут, но как иначе их удержать, такого класса врачей? Из главэскулапа местного, Ивана Ивановича Пандюрина, песок уже сыплется, а всё ещё на должности, но человек испытанный, а можно ли быть уверенным в молодых? Да, мрут люди как мухи, но везде так. Разговорился он на юбилее каком-то с Женькой Ободиным, специалистом по черепно-мозговым травмам, в школе вместе учились, так тот ему прямо сказал:

– Юр, ну что я могу сделать? Вот поступает ко мне в праздник десять человек, назовём их так – пострадавших. Я твёрдо знаю, что, будь у меня достаточно времени, хотя бы времени, я бы не всех десятерых, но восьмерых точно подлатал бы как надо, но даже времени у меня – и того нет. За те крохи его, что у меня имеются, я могу только одному человеку вернуть здоровье, но девять остальных за это время копыта отбросят. Что ты сделаешь со мной на следующий день после такого варианта? Выгонишь. Вот я и леплю восемь-десять дураков. Жизнь в них долго ещё потом будет теплиться,

но пользы от таких «овощей»... разумеи сам.

Бизнесмены? Ну, эти все под контролем. Принцип хорошо усвоили – что Бог делиться велел, ну а если по стенке кого из них размажут или в подъезде монтировкой по башке стукнут, так за дело, с чего бы просто так? Нет, эти смышлёные, всё понимают, особенно, какой жирный им предстоит рвать на куски шмат. Ну, кто ещё? Бандиты? Одна проблема: денег слишком много у них в руках накопилось. Во все щели лезут, туда порой, куда их совершенно не зовут. Магазины перелезают из рук в руки целыми улицами, заводы и те поделили, а что делать с купленной собственностью, толком не знают, думают, что доход сам пойдёт, люди будут работать на них, о себе не помышляя, как рабы. А не получается такой вот бандитский социализм. Денежки тают, на крови добытые – есть от чего не просто расстроиться, но даже и озвереть. Нет, блатарей местных Уткин никогда не боялся: не тот уровень. А вот денежками их грех было бы не воспользоваться.

Так и этак до глубокой ночи Уткин прикидывал, но всё выходило: можно. Наконец разродился он знаменитой фразой (а как читатель, наверное, успел заметить, был Юрий Денисович человеком образованным) Гришки Отрепьева из «Бориса Годунова» Пушкина: «Но решено: завтра двинуть!»

Для снежного кома достаточно одного маленького снежочка, но крепенького, добросовестно слепленного, чтобы

потом всю махину держал. Таким снежочком должны были стать средства, выделяемые из бюджета области. В следующем году славному Нижнекопьевску должно было исполниться ни мало, ни много 900 лет. Однако с обычным, формальным, кусочком к намеченным Уткиным планам нечего было и подступаться, нужны были большие, очень большие средства. Областные мудрецы просили: половина на половину, однако сошлись в итоге на одной трети. Вот эту треть Уткин должен был вернуть уже вполне конкретным людям наличными деньгами, – нормальная практика. Как сказал Блаженный Августин: «Люби Бога и делай что угодно!» Вот так и здесь: расплатись и потом хоть на голове ходи!

Уткин приехал из области окрылённый. Не зря он три вечера подряд просидел со Славкиным над проектом в жарких спорах по каждому пункту. Картина действительно получалась ошеломляющей. Фонтан в самом центре города с чудищем-змием о шести головах. Из каждой головы струя льётся, вечером с разноцветными подсветками, а внизу – сцены боя местного летописного эпического богатыря Ерёмы Золотаря с проклятой гидрой. Вот отрубает Ерёма змию предпоследнюю, пятую, голову, вот бросается на выручку чудищу жена его одноглавая, но характером наипаскуднейшая. Ранен Ерёма, совсем выбился из сил, но одолел он всё-таки змиеву супружницу. И уползает чудище посрамлённое. А вот и ещё одна сцена: змий и старец Прокопий. Ни мечей, ни палиц:

укротил настоятель вновь взбесившееся чудище всего только словом Божиим и крестным знамением.

– Так что, там по легенде так и сказано было, что змий наш был о шести головах? – с досадой поморщился Юрий Денисович.

– Нет, конечно, – смутился Родион. – Но, Юрий Денисович, это общая тенденция русских сказок. Сначала герою приходится сражаться со змеем о трех головах, потом должно быть потруднее задание.

– Не понимаю, зачем нужны на одном туловище три головы? Это ведь как лебедь, рак и щука. Ещё есть басня про квартет. Ну а если шесть голов, тут никаких Ерём не надо, любое чудище само сбрендит. Кстати, а что, был такой богатырь на самом деле в наших краях или опять твои выдумки?

– Был, конечно, – кивнул Родион, и не удержался всё-таки от того, чтобы густо не покраснеть. Дело в том, что находясь на посту директора краеведческого музея, он изрядно прошёлся по архивам и книжному фонду, всё мало-мальски ценное изъяв и унеся домой. Только он один в городе обладал полной информацией о знаменитых земляках, рассчитывая в будущем на монополию по их биографиям. Однако с несколькими редкими книгами он, пожалуй, переборщил: черпал из них сведения, которые ничем не мог подтвердить. Пожалуй, следовало бы сейчас как можно скорее эти книги вернуть. – Есть тому письменное подтверждение. Особо отличился он в битве с татарами при защите города,

дальше следы его теряются, вроде как был он увезён вглубь Золотой Орды; что с ним потом стало, никому не известно. В книге той, монастырском отчёте, намекается на какие-то предшествующие подвиги Ерёмы; в их числе, уже по устным преданиям, которые я собираю более пятнадцати лет, есть и сказ о битве Ерёмы с чудищем-ящером. Конечно, нет никаких сведений о том, что чудовище то было шестиглавым, известно только, что спор их разрешился так называемой боевой ничьей: Ерёма ящера не убил, но и тот больше голову (как я понимаю, единственную оставшуюся) не высовывал, народ нижнекопьевский не беспокоил. Что, собственно, всех устроило. Один только раз взбрыкнул, при святом Прокопии, но тот его быстренько в чувство привёл. Ну а с тех пор разве что утащит в год сотню-другую ротозеев на дно, так ведь поди докажи, может, сами и утонули по пьяни. Опять же, профилактика: на то, мол, и щука в реке, чтобы карась не дремал.

– А вот золотарь – это что, ассенизатор, что ли? – не унимался, гнул своё Юрий Денисович.

– Собственно, у этого слова три значения, есть и такое, – тяжело вздохнул Славкин. – Конкретно что-то трудно утверждать, но, скорее всего, Ерёма был не ювелиром и не чистильщиком выгребных ям, как вы изволили заметить, а позолотчиком. То бишь простым работягой.

– Звучит двусмысленно. Так что будем делать? Может, лучше переименуем его в Ерёму Богатыря?

– Можно, – уклончиво ответил Родион. – Но лучше бы следовать исторической правде.

– Ну, правду я хорошо помню. Ещё после войны ездили по городу такие колымаги, на козлах сидели пахучие человечки, а на котле сзади ведро непременно болталось, которым дерьмо доставали при чистке. Как я понимаю, это всё «ерёмышы», потомки того богатыря? Не получится ли так, что ты подсунешь нам в качестве местного летописного героя говночиста?

Славкин угрюмо промолчал. В остальном обсуждение прошло довольно гладко.

– Я тебя только предупреждаю, Родион Касьянович, – тихо пробормотал в заключение Уткин, – если хоть о каких-то деталях из этого проекта узнают со стороны, пощады не жди. Не твой кусок. А в остальном выбирай. Есть для тебя два места – начальствуй сколько душе угодно: либо здесь же, при администрации, но уже по связям с общественностью, либо директором историко-мемориального комплекса.

– Конечно, директором, – благодарно заёрзал на стуле Славкин, буквально истекая угодничеством. – Я человек дела, а трепачей у вас и без меня пруд пруди.

Глава четвёртая

В которой повествуется о том, как можно из «лепёх богатырских» сделать конфетку, а миллионы «творити» из воздуха, и вообще – о ловкости рук без какого-либо (боже, упаси!) мошенства.

За строительством Уткин сам следил. Пусть дорого, но чтобы качественно. Никаких «евроштучек» из оргалита да пенопласта. Делать так, как делали в старину.

Начали с огромного котлована, который, собственно, и сожрал все областные деньги. Но котлован был чем-то конкретным, никак не мог быть «панамою», и деньги на продолжение работ были выбиты уже на федеральном уровне, опять в той же пропорции. Дальше началась цепная реакция, каждый квадратный метр в торговом центре шёл на вес золота. Церковь, с подключением патриарха, не митрополита даже, пыталась здесь наложить свою лапу, однако Уткин быстро дал ей укорот. Он понимал, что обтяпывать дело надо быстро, к празднованию 900-летия всё должно быть готово – вот тут-то решение о золотом колечке само собой напрашивалось, равно как и его собственное повышение. Нет, главное – не вовремя смяться, а достойно подняться, не на одну, а даже сразу на несколько ступенек выше.

Никто не остался в стороне. Ломов, Процент, Витя Шампур готовы были отдать любые деньги, на что Уткин только усмеялся: ну теперь лишь бы коготки поглубже увязли, а уж потом, чтобы эти деньги спасти, ребятки ушлые кому угодно голову оторвут. Но окончательно Уткин в себе уверился, когда увидел, что в торг ввязались и краснорецкие «крышевики». Комплекс коттеджей, расположенный в живописном месте возле Прокопьевского монастыря, дотоле, несмотря на все усилия Юрия Денисовича, хиревший день ото дня, вдруг обрёл мощную подпитку – участки под застройку шли нарасхват. И опять денежки. Уткин всё предусмотрел, в том числе сеть магазинов стройматериалов, которые принадлежали ему через родственников, негласно. Ему даже жаль стало уезжать, такие перед ним теперь открывались возможности, однако он знал и другое: Россия – страна особенная, но тем не менее, количество денег у человека должно точно соответствовать тому положению, которое он занимает в обществе, иначе либо самому человеку, либо деньгам его несдобровать.

И всё-таки, затраты были таковы, что дело вот-вот должно было лопнуть, если бы не два обстоятельства, которые на тот момент Уткина спасли. Во-первых, неожиданно, чудесным образом отыскался легендарный подземный ход. А во-вторых, видя безуспешность попыток Юрия Денисовича уговорить московские туристические агентства включить Нижнекопьевск в кое-какие из своих маршрутов, Славкин предло-

жил создать при хиреющей местной автоколонне собственный автопарк, а на его основе и своё турагентство с представительством в Москве. Благо старины вокруг было взглядом не объять, да и отдых на Волге – летом на зелёных стоянках, зимой в лыжных кемпингах – большие перспективы открывал. Были тщательно выверены маршруты, на корню покупались загнивавшие от отсутствия средств пансионаты, кафе, строились мотели, бензоколонки. Со скрипом, но колесо закрутилось, потекли ещё денежки. Впрочем, весть о Нижнекопьевских подземных чудесных храмах уже разносилась и разносилась по земле русской, обрастая подробностями. Но совсем уж обрела законченность схема «чудного града» благодаря идее паломничества, давно носившейся в воздухе, но лишь силой природной смекалки Родиона Касьяновича воплотившейся в жизнь. Неважно, где конечный пункт находился: в Загорске, Боровске, Костроме и иже с ними, главное, чтобы путь через Нижнекопьевск пролегал.

Казалось, выстроено было здание великое и дороги подведены к нему прямые, широкие, но не в одних дорогах беда российская, издавна ведь говорят.

Глава пятая

объясняющая, откуда всемирная слава города Нижнекопьевска пошла.

На Валу Попокина ещё в детстве неизгладимое впечатление произвела сказка о двух мышках, попавших в кувшин с молоком. Одна мышь поелозила-поелозила коготками по гладкой стенке, да и решила сдаться: пропадать, так пропадать, а вот другая держалась до последнего – сучила и сучила лапками, пока не сбила молоко в масло и не выбралась таким образом наружу. Так и Валя, несмотря на всю свою невезучесть, никогда не унывал. Главное – шевелиться, не сидеть сиднем. Вот он и шевелился. Бегал по городу с утра до вечера, вынюхивал, высматривал, и снимал, снимал, снимал. Все в редакции беззастенчиво пользовались собранным им огромным архивом. Ну да газета есть газета: воз такой, что сам не вытянешь, – на ком-то – на общественных, на внештатниках, а в последнее время всё больше на собственной выдумке да на Интернете – приходилось выезжать.

Слухи о каких-то тёмных делишках, творящихся на реке возле завода фурнитуры, дошли до Попокина как обычно: по «сарафанно-пиджачному», «народному», радио, и он чисто автоматически, не раздумывая, превратился в заяд-

лого рыбака. Кого уж он хотел там подстеречь – грабителей, браконьеров-взрывателей, производителей-отравителей, одному Богу было известно, но вот уже второй месяц наш герой каждые выходные, в любую погоду, затемно уходил из дома и, затаившись в кустах у самого берега, терпеливо ждал.

Конкурентов у него не было. Кого можно было поймать в здешних местах? Разве что чёрта. Или какого-нибудь, совсем уж неразборчивого в еде ротана. Хотя когда-то здесь водились даже огромнейшие сомы.

Удочку не стоило и распутывать: крючок на ней был такой величины, что отпугнул бы даже акулу, но халтурить Валя ни в чём не привык. Главное – на зацеп не нарваться.

Наладив приманку – увесистый ком хлебного мякиша – и подтянув по воде, чтобы утопить леску, поплавков, Валя хряпнул стакан тёщиной самогонки (водку дешёвую он давно уже только по крайней нужде, в компаниях, употреблял) и тут же смежил веки. Так что происшедшее потом уникальное, пережившее всю его жизнь событие поначалу показалось ему не более как мультяшным сном.

Динозавр, ни больше ни меньше, внезапно вырос из воды и, не замечая будущую знаменитость и даже не поворачивая голову в его сторону, медленно зашагал по дну, внимательно глядя себе под ноги. Валя дрожащими руками вынул из рюкзака заранее подготовленный фотоаппарат и на секунду задумался: а как быть со вспышкой? Без неё хана снимку,

а с ней ему хана. Как он раньше-то о такой вещи не задумался? Однако долгие изнурительные часы, проведённые возле затона под видом столь непонятной для его жены рыбалки, пересилили все страхи, да и вообще малейшие признаки здравого смысла. Валя щёлкал как одержимый, хотя чудовище давно уже повернулось в его сторону и с остервенением шлёпало по воде с вполне явным намерением растерзать потревожившего его фотографа в клочья. Лишь в самый последний момент у Вали хватило ума развернуться на сто восемьдесят градусов и, оставив на берегу весь свой нехитрый рыболовный хлам, помчаться к городу, издавая при этом какие-то жалобные блеющие звуки и сверкая подошвами китайских кроссовок «Адибас».

Павел Жогин задумчиво тасовал в руках глянцевые, ещё не успевшие просохнуть фотографии и с недоумением поглядывал на Валентина. «Монтаж! Никаких сомнений! – думал он. – Но каков придурок! Эх, а я-то! Знал ведь, что рано или поздно с ним доиграюсь! И всё-таки – что же делать?»

Глаза Попочкина горели таким воодушевлением, что не было никакого сомнения: он своего не упустит.

– Хороший монтаж, – одобрил наконец снимки Жогин, – но, Валёк, до первого апреля ещё очень далеко, я тебя совсем не о том просил. Ты воспринял мои пожелания слишком буквально. Извини, я немного погорячился. Просто был не в духе. А на самом деле ты неплохой профессионал, ска-

жу больше – один из лучших наших работников. Безотказный, дисциплинированный. Я как раз подумывал о том, чтобы выделить тебе небольшую премию.

Однако упрямый Валя пропустил мимо ушей комплименты редактора, ожидая исключительно одного-единственного решения: да или нет.

Жогин снова наморщил лоб. Он понял, что, если фотографии не пойдут в завтрашний номер, негативы тут же окажутся в руках Миши Айзенбаума. А уж за тем дело не задержится.

– Хорошо, – кивнул в конце концов Павел Аверкиевич. – Отдай в набор, вот только название должно быть нейтральным, вроде «Что бы это значило? „Улов“ нашего фотокорреспондента Валентина Попокина». Устроит тебя так, Валёк? Счастью «Валька» не было предела.

Двойной тираж не помог. Надо сказать, что «Нижнекопьевская правда» долгое время была единственной в городе большой газетой и ей по привычке доверяли. Любые оговорки были бессмысленны: фото есть фото, а «Нижнекопьевская правда» не столичный «Мегаполис-экспресс». Уже к десяти утра сыскать в городе хоть один завалившийся экземпляр уникального выпуска было невозможно. Из перечисленных нами лиц, кровно заинтересованных в этой истории, первым увидел разъяренную рожу водяного монстра Родион Славкин – и долго сидел, осмысливая, как ему встроить

Этот отнюдь не «святой» лик в тщательно выписанную им картину. Наконец компьютер в его голове, переворошив кучу вариантов, выдал единственно верное решение: «Монтаж. Провокация». С тем Славкин и отложил злополучный номер в сторону, продолжив работу над очередным отчётом, который он готовился положить на стол Уткину. Сам Юрий Денисович добрался до загадочных фотографий лишь в середине дня, да и то не придал бы им особого внимания – доложили о произведённом резонансе.

– Ну круглые идиоты, – в сердцах выругался он, – как всегда вперёд батьки... Или, что называется, заставь дурака Богу молиться. Будь хоть икона чудотворная, неожиданно явленная, или ещё какой знак, но на такую битую карту дело моей жизни поставить? Помощнички! Всех урою.

Он тут же приказал вызвать к нему Жогина, для скорости даже послал за ним машину с личным шофером. Павел Аверкиевич с самого утра ждал этого вызова, никого не принимая, с тоской глядя в окно, более того – был трезв, как полярник на внезапно оторвавшейся льдине.

С ходу, не ожидая разноса, Жогин раскрыл принесённую с собой папку и выложил перед Уткиным весь комплект фотографий, присовокупив к ним заодно и личное дело Вали Попкиной. В заключение он положил перед Юрием Денисовичем справку из судебной экспертизы: никакого монтажа, снимки подлинные.

Уткин понял, что крыть ему нечем, оставалось произне-

сти только сакраментальную, но столь же бесполезную фразу:

– Почему мне предварительно не сообщил?

Жогин беспомощно развёл руками: мол, пытался обратиться всё в шутку, но... злой рок.

– Так, и где эта сволочь? Немедленно ко мне! – рявкнул Уткин, найдя наконец, на ком можно сорвать злость.

– Нету, нигде нету. На работу не явился. Телефон дома не отвечает. Исчез, просто исчез. Машину посылали. Жену, мать расспрашивали. Тайна. Утром собрался как всегда, позавтракал и благополучно отбыл. Вот только куда?

– И всё-таки, Павел Аверкиевич... – попытался было «разрядиться» Юрий Денисович.

Однако они с Жогиним были слишком давно знакомы, слишком хорошо понимали друг друга: не стоило попусту сотрясать воздух: вернее лизоблюда, чем запойный «правдонец», в городе было не сыскать.

– Надо просто знать Валю: ни негативы, ни другие комплекты снимков из него теперь калёными щипцами не вытянешь. Это его звездный час.

– Откуда он передрал всё это?

– Ниоткуда. Фото с оригинала. Всё исключается: Интернет, другое издание, компьютерная графика. Проверял. Понимаю, динозавры вымерли, сам изготовил, наверное, Кулибин чёртков.

– Что это за место, хоть знаешь? – успокоился наконец

Уткин, понимая, что не «разряжаться» надо, а действовать.

– Знаю, конечно, – пожал плечами Гурьев. – Затон у завода фурнитуры.

– Да, там и чертей увидеть можно, – пробормотал Уткин. – Ладно, пошлём водолазов.

– Были, были уже водолазы, – кивнул Гурьев, раскладывая перед Юрием Денисовичем другую пачку снимков. – Не нашли ничего.

– Понятно, опять без меня? – вздохнул Уткин.

– Ну, это уж не моя инициатива. Гудалин постарался, начальник спасательных станций. Наверное, чтобы вам доложить. Ну а я просто послал свои лучшие кадры, чтобы конкурентов опередить и историческое событие запечатлеть.

– Ну и как, опередил? – поинтересовался Уткин.

– Опередил, – кивнул Гурьев. – Но вы так и не поняли главного, Юрий Денисович, вам ли не знать, что это за место, но водолазы там ни-че-го не нашли.

Последовала немая сцена, почти как в гоголевском «Ревизоре».

– Совсем охренели! – прокомментировал увиденный снимок Ломов. – Лохи, одно слово – лохи. Один наглый фразер, который и в самом деле оказался хуже танка, весь город на уши поставил.

Два чудища долго ещё смотрели друг на друга, пытаясь понять, кто есть кто. Ломов первым отвёл взгляд, нужна бы-

ла дополнительная информация, которой он явно не располагал.

Впрочем, информация не заставила себя долго ждать. Уже на следующий день «Нижекопьевская пчела» вышла с разворотом, полностью посвящённым загадочному чудовищу и включающим в себя все снимки, сделанные Попкиным (куда больше, чем Жогин опубликовал). Коротко сообщалось и о поисках, предпринятых командой спасателей (Миша и здесь не удержался от шпильки в адрес конкурентов: подробности, мол, ищите в «Нижекопьевской правде»). Однако небольшая приписка сводила на нет все усилия Жогина – «Пчела» и только «Пчела» сообщала, что на дне Фурнитурного («Чёртова») затона не обнаружилось ни-че-го, и даже приводила в подтверждение соответствующее интервью с одним из водолазов, участвовавших в работах. Весь город знал, что Чёртов затон до отказа был забит промышленными отходами, что эта клоака отравляла Волгу на несколько десятков километров вниз по течению. Каждый депутат включал в свою предвыборную кампанию пункт о постройке очистных сооружений в этом районе, но положение не менялось: сюда свозились отходы буквально со всех предприятий города, так как местная свалка давно уже не справлялась с навалившимися на неё объёмами. Вот тут-то Валеру Ломова и охватила дрожь.

Глава шестая

*продолжающая повествовать о приключениях фотокора
Валентина Попокина.*

Валя Попокин, ночевавший не дома, где его тщетно пытались разыскать, а в кабинете Миши Айзенбаума, который теперь с него действительно чуть ли не пылинки сдувал, еле дождался выхода сенсационного номера «Пчелы» и тут же, набрав побольше экземпляров, поехал в Москву, чтобы попытаться продать негативы в какое-нибудь столичное либо, что несравненно лучше, западное издание за большие деньги. Судьба не могла подобрать лучшей кандидатуры, чтобы раздуть скандал в небольшом русском городе до размеров мировой сенсации. Но кого больше всего огорчила злополучная фотосессия, так это, разумеется, Сашу Румянцева. Едва начавшаяся «Повесть о капитане Копейкине» грозила сойти на нет, ещё не дойдя даже до своего кульминационного пункта. Между тем Александр многое за столь короткий срок успел сделать. Операции с утилем ещё во времена социализма были в России самым прибыльным бизнесом. Это единственная область, куда КГБ не совался в силу своей брезгливости и кажущейся мизерности дел, а МВД всякий раз трусливо поджимало хвост, поскольку здесь убивали любого, кто только подбирался поближе к истине (а убива-

ли в те времена людей не то что сейчас, лишь в самых крайних случаях). В условиях начавшегося «стихийного» капитализма перестройка превратилась в перестрелку в первую очередь именно в этой сфере. Люди стали тысячами гибнуть за металл (в первую очередь за цветной металл – ранее считавшиеся презренными медь да алюминий). Но и кормились возле свалок, даже у обыкновенных контейнеров для бытовых отходов, не тысячи, а миллионы. Казалось бы, всё было вычищено, вылизано, один только Румянцев сообразил, где ещё не ступала нога новоявленного «мусорного» старателя. Именно таким путём, водным, он и удрал в прошлый раз с Васей Колобовым от бандитов, именно реки, пруды – любые водоёмы, решил превратить в источник своего благосостояния. Да вот попутал бес стилизовать свои миниподлодки, бульдозеры и экскаваторы под своеобразный «парк Юрского периода». Женя Бессонов Кулибина с Черепановым ещё в молодости превзошёл, да только никому не нужны были его изобретения да проекты, а тут появилась возможность развернуться в полную силу. Его экзотическая техника действовала безотказно. Работа находилась всем: сначала вовлекались в неё бывшие сослуживцы, просто коллеги, затем вообще любые военные, члены их семей.

Русла рек очищались и расширялись, любые отходы шли в дело, хорошие деньги приносил даже обыкновенный речной песок. Уже плавали баржи, суда, принадлежавшие новоявленным владельцам: невидимое сражение, разыгравше-

еся с одной из самых грозных российских мафий – рыбной, последней было безнадежно проиграно. Без суда и следствия бандитов просто топили, как котят. По сути, давно уже можно было назвать бандитом и самого «капитана Румянцева», но как иначе жить в стране, где давно уже ни здравому смыслу, ни элементарной порядочности просто места нет? Сети конфисковались и продавались; рыба вылавливалась и поступала на рынки и в магазины по каналам, которые были отвоёваны у местного пошиба «каморр» -«каморок» и «козюлек» -«коз»; икра улетала в другие страны самолётами, уходила судами и подводками. Но делалось это не хищнически, а на хорошо поставленном промысловом уровне: и мальки разводились, и рыбыны кверху брюхом на поверхности не плавали.

Шила в мешке не утаить: информация давно уже должна была просочиться, но деньги на подкупы нужных людей не жалели, молчание действительно ценилось на вес золота. И вот Валя, «простой русский» дурак, как всегда в России встал поперёк наезженной колеи... Отстрелить бы: одним дураком больше, одним меньше, но по дуракам палить – что по воробьям на ветках.

Глава седьмая

сетующая, как мало в жизни бывает хорошего да приятного, а вот бедам и напастям в ней несть числа.

Вздоргнуть Валере Ломову было от чего. Он никак не мог избавиться от впечатления, что с попокинского снимка на него смотрели глаза вовсе не чудища-змия-ящера, а загадочного Нептуна. Авторитет этот появился в Москве совсем недавно, но за пару-тройку недель ухитрился обезглавить всю утильную, а заодно и рыбную мафии. Приставив к ним голову уже другую – свою. Люди похищались из офисов, квартир, коттеджей и исчезали бесследно. От не в меру ретивых «паханов», пытавшихся организовать по сему поводу сходку, мокрого места не осталось. Одни поговаривали, что операция осуществляется на государственном уровне, дабы хоть какие-то дыры в казне залатать, другие грешили на чеченских боевиков, но конкретного никто не знал ничего, даже кличка «Нептун» была вымышленной, специально придуманной, чтобы хоть как-то непонятное явление обозначить.

Валерию несколько раз намекали, хоть и весьма туманно, что ему пора навести порядок в своих местах, но эти намеки он не воспринимал всерьёз и только сейчас задумался. А не пора ли ему, и в самом деле, пригласить того килле-

ра из Красноярска, а то и целую бригаду? Однако вряд ли подобный его шаг мог остаться незамеченным, а так ведь недолго и свою голову потерять. Впрочем, одного-то человека уж точно нельзя было оставлять в живых. Это было, кстати, и в интересах самого Нептуна.

Скандал, грозивший разразиться до вселенских масштабов, как-то сам собой сдулся. Сверху как Уткину, так и Ломову лишь погрозили пальчиком: мол, шутите, ребята, да не зашучивайтесь. Сам возмутитель спокойствия со своими снимками и негативами куда-то бесследно исчез. Наверное, на многих его пример подействовал отрезвляюще, и о загадочном происшествии в Чёртовом затоне старались больше не упоминать.

Как ни странно, но рассказы местных экскурсоводов о динозавре, пойманном Валею в кадр, лишь увеличили интерес к Нижнекопьевску – пришлось включить в обязательную программу и заезд к злополучному затону; впрочем, вода в нём была теперь настолько чистой, что не грех было в ней и искупаться. Хоть и боязно, вдруг Нижнекопьевское чудище за ногу на дно утащит. Так и прозвали чудище: Русская Несси. Великолепно расходились футболки, значки, сумки, комплекты фотографий со свирепой, столь напугавшей Валу Попокина, физиономией, появились даже резиновые подоби́я ящера, рядом с которыми стало модным сниматься на память. И всё бы ничего, да опять же...

Валя Попокин с недоумением смотрел на человека, который чуть было не стал его убийцей. Совсем не громила и на рецидивиста мало похож. Вот только нож, валявшийся рядом, красноречиво выдавал намерения киллера. Сам он был настигнут коротким, точным ударом кастета в основание черепа. Возможно, жизнь в нём ещё теплилась, просто на время он потерял сознание. Но такие подробности Валу совершенно не интересовали. Ясно было одно: его «заказали», но нашлись и другие люди (или человек), которые его спасли (спас). Но ещё яснее было другое: нужно было сматываться, и как можно скорее. Валя даже не стал заходить к тётке, в квартире у которой скрывался, – он лишь предупредил её по домофону, что ему на несколько дней нужно уехать обратно домой. Сумку с вещами он решил в другой раз забрать, когда поспокойнее будет, ну а с оптикой он вообще никогда не расставался, она и сейчас была с ним – привычка. «Чёрт побери! – мысленно выругался Валя. – И как раз в такой день, когда мне удалось снимки пристроить. Неужели меня так и не оставят в покое?» К счастью, у него было ещё одно место, где спрятаться: старинная школьная подружка-любовница, которая в очередной, который уже, раз пребывала в разводе. «Приютит, куда она денется, как пить дать приютит», – подбадривал себя Валя, ощущая, как противно у него сосёт под ложечкой: так близко сталкиваться со смертью ему ещё не доводилось, разве что взять того динозавра!

Надо сказать, что ни одно столичное издание на Нижнекопьевского ящера не клюнуло.

– Утка! Милости просим с товаром сим в конце марта. А снимочки можете оставить, не пропадут.

– Ну да, вам только палец дай – всю руку оттяпаете, – мрачно усмехался в ответ Попокин, – но вот локти вам скоро точно придётся кусать!

Не имел успеха его «товар» и среди иностранных репортёров, они даже не комментировали своё «Нет, спасибо!», просто мило улыбались. И только одна итальянская бульварная газетёнка взяла Валин материал сходу, без колебаний: и текст, и снимки, и негативы, и экземпляры «Пчелы» с «Правдой», – заплатив по западным меркам за них сущие гроши, а по Валиному разумению – отвалила ему неплохой куш. Деньги эти жгли карман Попокину: ему так хотелось заявиться с ними домой и устроить семье праздник, да и пребывание у «подруги», как обычно, скоро стало обременять Валентина, требовала она от него в сексе таких штучек, которые Попокин совершенно не переносил. Однако путь в Нижнекопьевск был ему заказан, и потому Валя терпел.

Эх, так и хочется порадеть ухватистому да оборотистому соотечественнику нашему, человеку слова и дела, но ведь если верить одному небезызвестному классику, в России на тысячу человек непременно приходится один гений и 999... всё тех же – «рыцарей плохих дорог». От-

куда же им взяться тогда, хорошим дорогам? Юрий Денисович чувствовал себя на седьмом небе, он ещё и не задумывался даже, чего бы ему хотелось достигнуть в Москве, но в Нижнекопьевске он покориł высоты, которых не достигал никогда ни один, из топтавших когда-либо сию грешную землю чинуш-функционеров. Однако, так или иначе, отъезд его всё близился: и должность в стольном граде была приготовлена, и коттедж в небольшом городке Краснолеспке выстроен, оставалось только достойно провести 900-летие родного города и торжественно отчалить в новое плавание. Был и ещё один гвоздь: сколько ни крутил в голове Уткин, но так и не мог согласиться с кандидатурой своего премника. Алексей Конобеёв... Казалось бы, вариант вполне подходящий, но всё детство и юность Лёхи прошли в общении с местной шпаной. Именно через него всегда осуществлялись контакты Уткина с Ломовым, а в последнее время контакты эти были постоянными: слишком много возникало так называемых «узловых» вопросов, а узлы, как известно, нужно распутывать, а не разрубать. Родион Славкин? Нет, фигура не того масштаба. Павел Жогин? Язык хорошо подвешен, но не хозяйственник, да к тому же пьянь. Да, как ни крути, а лучше Лёхи Конобея...

Лёха и огорошил его, кинув распечатку с принтера.

– Ну вот и Валя объявился. А всё говорили: убит. Тут он, наш придурок, аж на первой полосе красуется, на саму Италию вышел.

– Откуда у тебя это? – только и мог спросить изумлённый Уткин.

– Ребята, компьютерщики наши, скачали из Интернета, – усмехнулся Лёха. – «Попал я в тебя, попал», – подумал он злорадно.

– Да вы не бойтесь, Юрий Денисович, газетёнка паршивенькая, куда ещё Валя мог такую «дезу» пристроить?

На том и порешили. Однако Интернет – штука великая. Тут же нашёлся в Штатах какой-то компьютерный умник, который, воспользовавшись тем, что снимки попокинские были сделаны с близкого расстояния, расшифровал, что Русская Несси вовсе не животного, как все подумали вначале, а искусственного происхождения. Резонанс был огромный. Валины снимки попали в ведущие газеты мира. «Секретное оружие русских», «Русские вновь на коне», «Что произойдёт, если Русская Несси попадёт в руки исламских террористов и объявится в один прекрасный день на Гудзоне?», «Возможно ли установить на Русской Несси тактическое ядерное оружие?» Тут-то Валя и понял, в чём его звёздный час.

Глава восьмая

в которой утверждается, что любовь всегда побеждает, что никогда нельзя знать наверняка, откуда ждать помощи, и что не бывает Моцартов без Сальерий, а вот Сальериев-то без Моцартов хоть пруд пруди.

Как его разыскали в Москве, Валя Попокин ума не мог приложить. Но на пороге стоял разодетый в пух и прах Боря Гридин, как обычно благоухающий дорогим французским одеколоном. За его плечами скромно улыбалась Люся Озерцовская, смешанная некогда с грязью, но сейчас отёртая и прекрасно выглядевшая его любовница.

– Здравствуй, Валя, – начал без обиняков Борис. – Надеюсь, ты хорошо отдохнул? Теперь пора за работу.

Он вынул из кейса загранпаспорта и авиабилеты и помахал ими перед носом Попокина.

– Уж извини, что я без согласования с тобой взял на себя нелегкие и весьма небезопасные обязанности твоего агента, но тебе самому носа наружу показывать сейчас никак нельзя. Что нас ждёт? Эксклюзивное интервью с одной из ведущих нью-йоркских газет: именно ей я решил доверить честь первой снять с тебя медовую пыльцу, отсюда все наши деньги, визы. Дальше большая пресс-конференция, потом прокатимся по нескольким городам с лекциями и... смотаем

удочки: хорошенького понемножку, как говорится, не навек же нам там застревать? Ну а пока быстренько переоденься во что бог послал, полный марафет на месте наведём. На сборы тебе полчаса. Такси ждёт, счётчик щёлкает.

Валя был настолько ошеломлён неожиданностью происходящего, что даже рта не мог открыть от изумления. К счастью, «боевая подруга» находилась в это время на работе и можно было уйти по-английски, не прощаясь. Только в «Боинге» до Вали дошло, как ловко присосался к его славе мерзавец Гридин, да ещё опять со своим самоваром не в Тулу, а в самые что ни на есть Соединённые Штаты летит. Впрочем, агент есть агент, никаких договоров они с Борей не заключали, так что не исключено, что Гридина в Нью-Йорке ждёт большой сюрприз.

Однако сюрприз ждал не Борю, а самого Попокина. Уже в редакции «Нью-Йорк Смайлз» Гридин поспешил заявить, что подозрения относительно нового секретного оружия зародились у него давно, после разговора с его сотрудницей Людмилой Озерецковской. Он решил самолично убедиться в обоснованности её данных, неделю дежурил по ночам у Чёртова затона и хорошо разглядел не одного, а даже нескольких «динозавров». Тогда-то он и понял, что это не живые существа, а секретная новейшая военная новинка. Как работник администрации, он хорошо знал о происходящем в городе и о том, что появление военных здесь не санкционировано, и решил довести сведения о загадочных су-

ществах до мировой общественности, засняв их на видеоплёнку. Однако в Брюсселе плёнка у них с мисс Озерецковской была похищена, за ними следили, не дали возможности встретиться ни с журналистами, ни с официальными представителями, а без документального подтверждения в их свидетельствах было бы мало толку. Пришлось уехать несолоно хлебавши.

Вернувшись на Родину, они оба подверглись преследованиям, и только параллельное расследование, затеянное мистером Попокиным, подлинным народным героем, придало им новых сил в стремлении не допустить очередного витка в гонке вооружений и направить чудо-технику туда, где ей и положено быть, то есть на благо цивилизации, прогресса и мира во всём мире.

Валя Попокин чуть не задохнулся от возмущения, ему ли как матёрому журналисте было не знать истинную подоплёку гридинских походов, но крыть ему было нечем – выяснять отношения на виду у коллег со столь высоким статусом было бы полным самоубийством. Поэтому он даже в чём-то решил переплюнуть Гридина: подробно рассказав о динозавре из Чёртова затона и об обстоятельствах покушения на него, он подчеркнул, что в условиях разгорающейся войны с международным терроризмом ни в коем случае нельзя допустить, чтобы подобная техника оказалась в руках каких бы то ни было боевиков.

– Мне очень жаль, но, как очевидец, я должен сообщить

вам, что «русские Несси» могут проникать в любые места, хоть как-то связанные с водными артериями, и поражать любые цели, – закончил он своё выступление.

Однако Боря никак не мог допустить, чтобы его хоть в чём-то обскакали.

– Мы располагаем и другими, не менее важными, сведениями о технике, столь остроумно прозванной «русские Несси», однако предполагаем в будущем предоставить возможность рассказать о ней самим её создателям. Если, конечно, они ещё живы, – с усмешкой добавил он. – К счастью, есть люди, которые помогают нам и охраняют нас, иначе мы все трое давно уже были бы в царстве теней.

«Да, вот тебе и агент! Чей агент?» Валя окончательно запутался и понял, что лучше ему с Гридиным объединиться. Всё могло быть: и то, что Боря динозавров раньше него видел, и что от смерти Валя только благодаря ему спасся, а уж связь с «теми» людьми – тут возразить вообще было нечего. Люська Озерецковская, с которой Валя, кстати, в школе вместе учился, тоже оказалась на высоте: мило улыбалась, кокетничала, но хватку проявила мёртвую: и Боре не позволяла «расслабляться», опробовать на полную катушку местные напитки, и гонорары выбивала для всех троих куда более высокие, чем им самим удалось бы сделать. Однажды, когда она уж очень Борю достала, Гридин отослал её к Вале в номер. В ту ночь Попокин впервые в своей жизни по-настоящему познал радости секса. «Чёрт! – думал он, взволно-

ванный, после Люскиного ухода. – Они же меня все обманывали, даже моя Лидка. А я, оказывается, в этом деле совсем не пентюх. Просто надо ко мне с уважением подойти».

Дипломатические отношения России с западным миром в очередной раз испортились, но что это значило для нижекопьевцев? «Русский Лох-Несс» искали теперь на карте; буклеты, значки, майки оказались как нельзя более кстати. Поток туристов хлынул не только со всех концов России, но и из-за рубежа. О золотом дожде, который пролился тогда на всех в городе от мала до велика, долго ещё потом вспоминали с завистью и восхищением: «Да, недаром говорится: кто не успел, тот и не съел!»

Глава девятая

в которой пришло время на редкость подробного и обстоятельного рассказа о капитане Рублёве, заветном слове, «речных гёзах», русских березах и других приключениях ново-явленных Саши Уленишпигеля и Васи Гудзака.

Вале Попокину так и не удалось узнать, что было правдой, а что ложью в рассказах Гридина и Озерецковской, точнее было ли там вообще хоть на миллиграмм правды, а уж тем более невозможно было выяснить, кому он обязан своим чудесным спасением. Однако вот что он знал точно: без нагледца Бориса вообще ничего бы не было из того, во что он сейчас окунулся. Ни тугих пачек долларов в кармане, ни модной одежды, ни разинутых ртов людей, собиравшихся на их выступления. Поэтому Попокин был совершенно ошеломлён, когда выяснилось, что им всем троим предстоит срочно уехать. Впрочем, улетали только они двое: Люська, в промежутках между своими походами из номера в номер в гостинице, ухитрилась так очаровать одного богатенького аборигена с Манхеттена, что получила от него все, какие только возможны, авансы и покидать Америку наотрез отказалась.

Больше всего Валя опасался за свою жизнь. Раньше ему просто нечего было терять, оттого он так легкомысленно ко многим вещам и относился. Сейчас он познал не то, чтобы

славу, но по крайней мере известность и у него были все основания для максимальной осторожности, граничившей с обыкновенной трусостью. Однако Боря Гнида был тем ещё прохиндеем. Назад они ехали с целой оравой газетных и телевизионных журналистов, подстраховав себя этим от любых неожиданностей.

Конечно, Гридин бодрился, не было у него никакой уверенности, что с ним захотят встретиться столь важные персоны. Кроме того, рассказы болтуна Лёхи Конобея о загадочном речном царе-мафиози быстро соединились в воображении Гридина с покушением на Валю Попокина и загадочными ящерами, нарисовав такую картину, в которую лучше было не соваться. И тем не менее раз уж Валя выкрутился, да ещё с б-о-ольшой пользой для себя, значит, и он, Боря Гридин, может здесь чем-нибудь пожитьяся.

Скандалные похождения новоиспечённого директора музучилища, прославившегося на весь мир и посадившего в лужу его, Юрия Денисовича, не только в родном городе, но и в самых высоких инстанциях, поставили Уткина в сложное положение: как быть с зарвавшимся наглцом? Вопрос стоял так же, как и полгода назад, по возвращении Бориса из Бельгии: по роду своей деятельности в администрации города, а ещё в силу непреодолимой привычки совать нос куда не просят Гридин очень много знал из того, что ни в коем случае не должно было выплыть наружу. Эх, пришибить бы

Лёху Конобея, неизменного Бороного собутыльника и приятеля по походам в казино и другие злачные места. Язык у Лёхи был не просто без костей – в минуты пьяного угара он был похлеще помела, причём поганее помела Уткин вообще в своей жизни не встречал. Вот и сейчас... Появление же в этой гоп-компании Вали Попокина вообще сулило взрыв сродни атомному. Сверху требовали, угрожали, настаивали, но, хорошенько поразмыслив, Уткин решил занять в этой драчке свою, особенную позицию.

Вот почему он очень приветливо встретил свалившуюся на него как снег на голову всесветную журналистскую братию и даже провёл по их просьбе пресс-конференцию с участием всех служб города. Ответы его на вопросы были весьма туманные, первые усилия он предложил сосредоточить на знакомстве с Нижнекопьевском, то есть изучить место действия. Отменной оказалась и культурная программа: задействованы были все жрицы любви города в возрасте от 13 до 60 лет. На вопрос, будет ли организована встреча с создателями знаменитых РН («Русских Несси»), Уткин ответил утвердительно, хотя ума не мог приложить, как он своё заверение выполнит. Единственное, на что он уповал, что сверху пойдёт такое противодействие его «инициативам», что ему будет на кого свалить вину за невыполнение своих обещаний.

Противодействие действительно было необычайно мощным. Город заполонили чиновники всех мастей, представи-

тели спецслужб, не дремала и мафия. Никто не сомневался, что в здешних краях появится и загадочный Нептун, на него как раз и закидывали, все кому не лень, сети.

И всё-таки Боре повезло, как везло всегда с его наглостью. Некто капитан Рублёв через своих людей вышел на Валю Попокина и заявил, что согласен дать пресс-конференцию самым надёжным западным журналистам при условии соблюдения строжайшей секретности. Валя был на седьмом небе от счастья и прежде всего горячо за своё спасение капитана Рублёва поблагодарил. Тот небрежно кивнул, довершив тем подозрение Попокина о том, что Гридин просто примазался к его славе, а на самом деле никакого отношения к капитану Рублёву, а уж тем более к Нептуну и его людям не имеет.

Ночью, собравшись в условленном месте, журналисты облачились в специальные костюмы и отправились в хоромы «речного царя». Они увидели «русских Несси» в полном составе и в действии, побывали в подземном городе, где копошилось много народу в масках с прорезями для глаз и рта. Снимать разрешалось сколько угодно и что угодно. Каким-то образом среди приглашённых оказался и Боря Гридин собственной персоной: для него в родном городе никогда и ни в чём не было тайн.

Явившийся «капитан Рублёв», тоже в маске, подробно ответил на все заданные ему вопросы, загадочно промолчав лишь о времени, с которого действует созданная им система, и с усмешкой покосился на Гридина: как видно, разоб-

лечение Бориса вовсе не входило в его планы. В ответ на это Гридин облегчённо вздохнул. «Улыбчивый капитан» представил журналистам своих ближайших помощников: господ Нижинского и Копьева, которые подтвердили, что их деятельность никак не связана с военным ведомством, представляет собой лишь частную инициативу, хотя и является, в сущности, альтернативой совершенно бездарным потугам правительства в области экономики – развитию производства и создании новых рабочих мест. «Вынужденное бегство от глупости и нищеты: у нас просто не было другого выхода» – так они прокомментировали свои действия.

Естественно, подобная встреча, щедро снабжённая красочными буклетами, цифровым и текстовым материалами, а также съёмками и снимками самих журналистов, породила в мире новую сенсацию, которая, однако, вскоре «захлебнулась». Как только появился и разнёсся по миру термин «речные гёзы», сразу был взят за основу тезис, что это дело – внутренняя проблема русских, а значит, вряд ли заслуживает того излишне раздутого интереса, который к ней проявлен.

Валя Попокин был разочарован: нелегко падать с небес на землю, тем более что Жогин незамедлительно воспользовался возникшей заминкой и поспешил уволить не в меру самостоятельного фотокора из «Нижнекопьевской правды», скептически отнёсся и Миша Айзенбаум к давнишней мечте

Попокина найти приют в его дружном «улье».

– Поверь моему слову, Валёк, ещё ничего не закончено. Самое удобное для тебя сейчас – побыть какое-то время фрилансером – «вольным стрелком». Абсолютно ни от кого не зависимым. Только уж меня по части материала не забывай. А насчёт места не сомневайся, такую знаменитость и в Москве сочтут за честь взять в любую газету.

Глава десятая

где речь пойдёт о сумасшедшем профессоре, знаменитом Ихтиандре, непобедимом речном царе, о воде, воздухе и других стихиях, а также всё о тех же полюбившихся читателю героях нашей истории.

«Внутреннее дело» грозило обернуться разливом совсем уж местного значения: всё, что для этого требовалось – прихлопнуть муху, нарушившую общественный покой. Для начала Валю Попокина исключили из Союза журналистов, затем местной прокуратурой были заведены уголовные дела на господ Нижинского, Копьева и Рублёва. Однако дела были настолько важные, что вскоре их передали в самые высокие федеральные сферы, где, как известно, действует правило «чем больше дерьма, тем ничтожней вина», то бишь прямая кишка отсутствует совершенно и человек выходит тем же порядком, что и «вошедши», то есть чистым как стёклышко. При условии, конечно, совершенно бешеных, буквально рвущих в клочья, вроде собачек породы бультерьер, карманы денег. Словом, ещё одна новинка русских: ах, у вас прекрасные тюрьмы – так вот наш очередной ответ Чемберлену (мир праху его!): наше последнее достижение – тюрьмы вообще не нужны, преступник исправляется в процессе следствия. Точили зуб на руководителей «речных гёзов»

и спецслужбы, но их не деньги интересовали, а информация – долгожданная возможность хоть что-то доложить наверх.

Свой интерес был и у мафии. В Нижнекопьевск приехало несколько групп боевиков – Ломову ничего не оставалось, как подключиться к этому вопросу. Командовать группой местной молодежи, состоявшей сплошь из наркоманов и отморожков, он доверил Витьку, своему сыну, ну и киллер (ещё один – первый, как известно, сам стал жертвой неудачного покушения на Валю Попокина) из Краснорецка тоже был приглашён. Расчувствовавшийся от того, что такое огромное внимание приковано во всём мире к его родному городу, Жора Иорданский вызвался сам услуги киллера и оплатить.

И вот тут удивил всех Юрий «Деникинович», проявив не просто даже здравый смысл, а неожиданную строптивость. Он отдал приказ прибывшему областному спецназу и местному ОМОНу пока, до особых распоряжений, ни во что не вмешиваться, только готовиться и наблюдать. По материалам, полученным в результате пресс-конференции западными журналистами, легко можно было определить места обитания «русских речных гёзов» – силовики как раз и концентрировались возле этих мест.

Уткин не зря решил предоставить право посолировывать бандитам. Во-первых, через представителя капитана Рублёва по связям с общественностью (!) Валю Попокина Ю. Д. был передан буклет с описанием всех его тайных и яв-

ных походов, особенно по части расхищения бюджетных средств на собственные нужды. Во-вторых, зачем подставлять под пули хоть и профессионалов, но тем не менее ни в чём не повинных людей?

Бандиты явились, конечно, не с голыми руками, а вооруженные до зубов, на катерах и оснащённые новейшим оборудованием для подводного плавания. Однако эффект был один: не зная броду не суйся в воду; все они бесследно исчезли, так и не сумев ничего понять в действиях загадочного Нептуна. Между тем Нептун не ограничился Нижнекопьевском: он нанёс ответный и очень чувствительный удар не только по московским авторитетам, но и по большинству волжских группировок. Уже через два-три дня можно было с полной уверенностью сказать, за кем осталась победа. «Речные гёзы» совершенно открыто раскатывали на захваченных судах по Волге, улюлюкая и показывая голые зады окопавшимся на берегу спецназовцам.

Единственный из наших героев, кого происходящее никаким местом не коснулось, был непотопляемый Борис Гридин. С него всё слетало как с гуся вода. Более того, воспользовавшись паузой, Боря нанял какого-то то ли сдвинутого, то ли, наоборот, очень продвинутого профессора, который, встретившись с капитаном Рублёвым, в Москве на специально созванной Валею Попкиным пресс-конференции на полном серьёзе ознакомил общественность со своим проектом «Две стихии – два образа жизни». Он объявил, что как

в своё время роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» оказался вовсе не фантастикой, а лишь прозорливым предвидением необычайных возможностей лазера, так и роман другого русского писателя, Александра Беляева, «Человек-амфибия» – доступная каждому реальность наших дней. После несложной операции с применением опять-таки нехитрого оборудования любой человек мог бы жить как в воде, так и на суше, не делая при этом окончательного выбора. Техника будущего, разработанная лабораторией капитана Рублёва и представленная в эскизах, фотоснимках и компьютерной графике, довершала процесс. Завершилась пресс-конференция показом знаменитого фильма «Человек-амфибия» и свежей документальной лентой на ту тему, по которой профессор Линёв читал свою лекцию.

Шум в прессе снова поднялся невероятный. Реки, озёра – да, здесь действительно могло быть «внутреннее дело», однако моря, океаны – их что, тоже русским подарить? Занялся Гридин и другим: отругал Валю за то, что тот изготовил компромат на Юрия «Деникиновича» без его ведома, и полностью переделал макет буклета, подготовленный для печати, убрав оттуда всё, что касалось лично Уткина, и значительно расширив часть, где с ним вовлекались в скандал достаточно известные лица на самого разного уровня. Эту замену он сделал сам, не доверяя Попокину, но и не ведя никаких дополнительных разговоров с нижекопьевским главой. Впрочем, они и так, без слов, поняли друг друга. Юрий Де-

нисович, решивший и без того идти до конца в своём упрямстве, тут получил возможность полностью оправдаться в глазах начальства.

Как бы то ни было, Уткин был отстранён от его обязанностей, формально отправив на больничный, а бразды правления в городе взял в свои руки Лёха Конобеев. Он тут же отдал долгожданную команду, и война с непокорными «гёзами» («рвань» в буквальном переводе с голландского. Подробнее можно прочитать в знаменитом романе Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях») началась. Ломов ничем не мог помочь другу, так как все его боевики, в том числе и ненаглядный Витёк, исчезли в водовороте предыдущего сражения, поэтому ему оставалось только пассивно наблюдать за ходом событий.

Ответ и на сей раз не заставил себя долго ждать. Уже через несколько часов город в буквальном смысле захлебнулся в собственном дерьме, так как все канализационные выходы оказались заблокированными; то же самое произошло и с водопроводом, вместо домов вода хлынула на улицы, вскоре не стало и электричества. Глубоко ночью последовал очередной сюрприз: казино «Марс», расположенное в живописном месте на Репенских прудах, вместе с Витей Шампуром и всеми своими посетителями ушло глубоко под землю, как некогда по легенде православные храмы. Другой «храм» – трёх-

этажный коттедж Валерия Ломова, – наоборот, несколькими часами раньше мощным напором воды был вознесён на воздух, откуда и рухнул в конце концов на землю, погребши под своими обломками как местного мафиози, так и всех его охранников, друзей и домочадцев: Бог призвал к себе Лома как раз в день его рождения. Поговаривали, что и здание местной администрации в любой момент могло развалиться как карточный домик. Загадочный вирус парализовал работу компьютеров. У Лёхи Конобея хватило ума взять передышку и сыграть отступление.

Глава без числа

заключительная, вместо Эпилога (Почти по Гоголю: «Никоторого числа. День был без числа»; «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чёрт знает что такое». «Записки сумасшедшего»)

Когда войска вошли в мятежный град, улицы опустели, люди молились без устали во спасение местных святынь. Невзирая на блокпосты, милицейские и военные кордоны, сюда прорвались паломники со всей России, много было и журналистской братии. Мест в храмах не хватало, заполнены были все паперти, площади, улицы перед ними. Задействованы все священники, даже учащиеся двух здешних семинарий.

«Господи, помилуй!». «Боже, будь милостив к нам, грешным!» «Пресвятая Богородица, спаси нас!» – слышалось отовсюду.

Артиллерия и авиация постарались на славу: закидали всё русло Волги на десятки километров, все местные водоемы снарядами и бомбами. Волга вышла из берегов – столько в ней вдруг всплыло трупов, однако сопротивления никакого оказано не было. Ничто больше не уходило под землю и не возносилось на воздух. В ознаменование победы было приказано звонить во все колокола; сначала они звонили ти-

хо, приглушённо, однако затем, когда выяснилось, что никаких «гёзов» среди выловленных трупов обнаружено не было – одни только воры да бандиты, присланные не только с Москвы и Каспия, а даже с Дальнего Востока и Сахалина, звон их стал растекаться в полную силу. Что же до капитана Рублёва, то он загадочным образом исчез куда-то загодя вместе со всеми своими людьми.

Что же ещё можно рассказать в назидание?

Юрий Денисович благополучно отбыл, куда и планировал, никто ему о проявленной им строптивости никогда не напоминал.

Родион Славкин из администрации ушёл, ныне писательствует в местном масштабе, определившись, чтобы больше было свободного времени, в церковные сторожа.

Место Ломова унаследовал Гунявый, только что вернувшийся из заключения известнейший в городе рецидивист, но вскоре он был пристрелен тем самым киллером из Краснорецка, а местным «папой» стал в итоге Митя Процент.

Город Нижнекопьевск так и не попал в Золотое колечко, но ещё долго действовала созданная Юрием Денисовичем панорама, в заключение экскурсии по которой тихим и страшным голосом рассказывалась история капитана Рублёва и созданных им чудовищ, из-за которой, собственно, туристы и приезжали. Но даже избранному главой города, прославившемуся на весь мир, вору-диссиденту Боре Гриди-

ну не удалось удержать этот интерес надолго. Наталкивался он во всём постоянно на какое-то таинственное противостояние сверху. Как видно, слишком многим хотелось стереть в памяти людей любые воспоминания о мятежном городе, «речных гёзах» и их предводителе.

Валя Попокин, в очередной раз отличившийся репортажем с места событий при атаке военных и великолепными съёмками заполонивших огромную реку трупов, совсем было загрустил, когда неожиданно получил по почте вызов из Америки от миссис Ривер-Озерецковски, после чего отбыл туда без особых размышлений вместе со всем своим выводком, даже тёщу прихватил. Вскоре подобный вызов, уже по Валиной инициативе, получил и некто Евгений Русанов, никому не известный предприниматель совсем в другом городе. Получил и задумался: как же такое ему самому раньше в голову не пришло? Поговаривают, что Валя теперь уже не Валя, а Вэл, и фамилия у него тоже совсем другая: не то Поппинс, не то Попкинз; что устроился он не где-нибудь, а в Голливуде и сам Стивен Спилберг в нём души не чает.

Ещё время от времени проскальзывают слухи о том, что в одном укромном местечке Тихого океана появилось загадочное поселение, быстро разросшееся до размеров государства, и никто не знает, что с ним делать, ведь по сложившейся практике поделены только суша и прибрежные акватории, прочие глубины и просторы вроде как никому конкретно и не принадлежат. В «Тихоокеанском Союзе» (что-то вроде

древней Атлантиды, только большей частью под водой) нет ни бродяг, ни бедных, все люди сыты, здоровы и счастливы, у них на всё хватает времени: и на работу, и на развлечения. Нет там вина, наркотиков, СПИДа и даже табака. Преступность практически вообще сведена к нулю. Огромный подводный и надводный флот с самыми разными портами приписки, ядерное оружие. Однако и этого «тихушникам» мало: ближайшей целью они поставили освоение возможностей нашей неразлучной спутницы – Луны. Хотя вообще-то, может, Луна – это «пушка»? Кто знает, что у них в действительности на уме?

Нижекопьевские летописи. 1997 год, 517 год со дня окончательного освобождения Руси от татаро-монгольского ига.

Мутные воды, река Сомнение

Фантастическая повесть

Часть первая

Глава 1

Алексей задумчиво повертел в руках повестку. «Ничего не понимаю. Сборы. Какие ещё сборы!» Ему казалось, что подобная угроза давно его миновала. Впрочем, военкомат есть военкомат, умом его объять уж точно невозможно, наверняка у них там какие-нибудь недоборы, дополнительные, спущенные сверху планы. Но, в принципе, у них свои заботы, а у него свои. Какие свои? Кого, собственно, его мелкие, житейские, трудности интересуют? Ах, некому отводить детей в садик! Так какого бога ты их, «спиногрызов» своих, столько наплодил?

Алексей и сам не мог бы объяснить какого бога. Просто так получилось. Ну, Павел – с ним понятно: зачем, собственно, жениться, если не планируешь иметь потомство, продолжателей своего рода? Нет, тут точно всё соответствовало первоначальным прикидкам: год они с Алёной прожили для себя, проверили ещё раз друг друга на совместимость, второй раз съездили вместе отдыхать в отпуск, там и расслабились. С чувством, с толком.

Юля, Юлок... Алексей вот-вот должен был получить квартиру, и три комнаты, конечно, не две. Пришлось проявить прыткость. Они едва успели с Юлком – так сказать, «впрыгнули в последний вагон уходящего поезда». Однако Настя, эта неугомонная Настя – откуда она появилась? Точ-

нее, как?

Уже в тот момент у них начались трудности в материальном плане: жена поставила крест на своей карьере, решили целиком сосредоточиться на служебном росте Алексея, однако с ростом дело сложно продвигалось, и Алексей знал почему, хотя и не откровенничал с женой по этому поводу.

Где-то через год после того, как он, окончив институт, попал на успевший прикипеть к сердцу завод, его вызвал парторг и намекнул, что есть, мол, возможность отличиться: вообще, конечно, существуют большие трудности для ИТР – «инженерно-технических работников», но, поскольку он молодой специалист, ему, как говорится, и карты в руки. Карты, партия... Что за игра? Преферанс? Сначала Алексей тупо смотрел в стену, не понимая, о чём, собственно, идёт речь, а когда уяснил, то с самым наивным видом отказался. Да, тогда он ещё не мог предположить о Насте, хотя вообще-то по природе своей был человеком предусмотрительным и вроде бы они с Алёной всё соблюдали, но с Настей, как уже потом Алексей понял, все предусмотрительности были бесполезны, она бы всё равно своё взяла.

Вот тут, конечно, чёрт бы с ней, с партией, точнее, какая разница, коли уж так припёрло? Однако парторг оказался человеком на редкость злопамятным: как ни пытался Алексей потом нажать на него сбоку, сверху, снизу, дабы исправить свою ошибку, все его усилия оказывались тщетными.

Когда-то все вокруг были уверены, что уж Алёшка-то Подрезов в инженерешках точно долго не задержится, в самое ближайшее время – мастер, затем начальник цеха, ну а дальше как повезёт. Но не повезло. Быть может, оттого что он был некомпанейским человеком, а нужно было выпивать, выпивать, закусывать, а главное – говорить потом, говорить. Вот в этом закусочном трёпе и рождались, как правило, самые неожиданные мысли, принимались самые важные решения. Однако пить надо было не с кем попало, а всё с тем же парторгом, с начальством и особенно с членами постоянных комиссий, которые всё время что-то проверяли и перепроверяли – среди них-то порой, как золотая крупинка в куче пустой породы, и попадался тот самый-самый нужный человечек. Своего рода «рука», которая в момент «икс» снимала телефонную трубку, да и вообще лучше любой «головы» могла решить любые вопросы. Такой «руки» у Алексея не было. Женат он был вообще по любви... Какие-то институтские друзья? Наверное, не те друзья были, во всяком случае пока из них никто ничего существенного не достиг.

Нельзя было сказать, конечно, что Алексей так уж сильно был зациклен на карьере. Бог с ней, с карьерой, но в жизни его появились вдруг тысячи дополнительных трудностей, каждодневных пакостей, оказавшихся в своём множестве страшнее тех мельниц, с которыми сражался небезызвестный Дон Кихот Ламанчский. Нет, здесь ему, в этом КБ (конструкторское бюро, или попросту «ящик» – для тех, кто уже

забыл недавнее прошлое), ничего не светило, и выход более чем логичен: как можно скорее подыскать себе новое место работы. Но и с этим вопросом дело обстояло совсем не просто, не говоря уже о том, что КБ было засекреченным.

Да и какой-то минимум всё же у него был: и зарплата побольше, чем в местах не столь таинственных, загадочных, да и какие-то, пусть самые ничтожные, но отличия: и с садиком по всем трём детям вопрос удалось решить, теперь вот подходила очередь на телефон и уж полный апофеоз – путёвку семейную на лето обещали. Настёну только ни в коем случае не надо брать с собой.

– С тремя детьми – сборы! Они что там, совсем очумели? – Иной реакции от жены Алексей и не ожидал. – Я им позвоню! Я им всё выскажу! Кстати, почему здесь не указан телефон? Да я и без телефона: я им Настьку оставлю на денёк – двух часов не выдержат, взмолятся, машину специально, чтобы тебя вернуть, пришлют.

Вот женщины! Как они цепко подмечают детали! Алексей внимательно осмотрел повестку: номера телефона и в самом деле указано не было. Но даже если бы он и был, предположить, чтобы Алёна по нему позвонила! Жена Подрезову, несмотря на своё претенциозное имя – Альбина (в переводе с латинского «белая») – и массу глупостей из самых разных гороскопов о якобы присущих этому имени амбициозных чертах характера и удачливых особенностях судьбы, до-

сталась сушая божья коровка, собственно такими же были его тёща и тесть. Хотя тесть подчас, когда его особенно допекали родные, нацеплял на пиджак ордена, медали и с мукой в сердце отправлялся куда-нибудь на очередной приём: что-то просить, кого-то стыдить и упрашивать. Иногда помогало. В частности, с телефоном. Того и гляди должен был ускориться процесс.

– Ладно, как-нибудь выкрутимся, – со вздохом сказала Алёна, уже засыпая. – Мать попрошу, на работе попробую договориться с начальством. Слушай, а зарплата? Зарплата как?

– Средний заработок. Сдам справку в бухгалтерию, оставлю доверенность, будешь за меня получать, – ответил Алексей сонным голосом.

– Ну а срок? Там ведь срок не указан!

– Срок обычный – три месяца, чего указывать? А может, всё-таки попытаться? Трое детей – по-моему, там определённо что-то напутали.

– Вот и выяснишь, – уже совсем погружаясь в объятия Морфея ответила жена. – Отдохнёшь там. От нас, по крайней мере.

– Да, хорош отдых. Где-нибудь в палатке, в поле. Подъём, отбой, в промежутках кросс с полной выкладкой. Да ещё какой-нибудь дебил старшина! Два года: «Стой! Кто идёт?» кричал – интересно, чего на сей раз сподоблюсь?

– Ты там того, не балуй, – запоздало напутствовала жена. –

Я-то не смогу, а Настёна точно глаза тебе выцарапает.

– С кем баловать-то, – совсем без сил огрызнулся Алексей. – Ты что, не знаешь, что такое армия? Там исключительно мужской контингент!

– Ага, рассказывай, а обслуга, а увольнения. Я предупредила, Настьку не обмануть.

Глава 2

Староста группы (может, старший сержант или комвзвода), по всей видимости, был тоже из «сборной гвардии», но как ловко, гад, сориентировался, подсуетился – прибыл на день раньше, что ли? – а теперь вот смотрел на Подрезова осоловелыми глазками и дышал смачным перегаром – наверное, устроил себе достойные проводы.

– Иди к начальству, моё дело телячье. Может, тебе сразу дадут медаль отца-героя и отправят дальше увеличением народонаселения заниматься. – Он хихикнул своей шутке, оглянувшись на уже притёршихся к нему подлипал: каждый понимал, как много зависит от первых дней нахождения здесь. – А может, наоборот, срок продлят, будут гонять, пока вся дурь не выскочит.

Алексей постоял немного в нерешительности перед дверью «начальства», затем всё-таки постучал.

– Войдите, – послышался негромкий вежливый голос.

Первое, что поразило Алексея, – «начальство» было в штатском, так что он не знал даже, как ему обращаться к собеседнику: в каком тот был звании? Скорее всего, капитан.

На сей раз его выслушали предельно внимательно, однако реакция оказалась той же.

– У всех трудности, товарищ Подрезов. А скоро трудно-

стей, сложностей, заминок, запинок станет ещё больше, вообще невпроворот, – как же вы их решать собираетесь? Мы как раз и вызвали вас сюда, чтобы вам потом жилось легче. Так сказать, тяжело в ученье... Вас ведь выбрали – вы признаёте? – выбрали, это большая честь. Вы потом всё поймёте, уж поверьте мне на слово, да ещё тысячу раз нас возблагодарите, а пока отдыхайте, устраивайтесь. И будьте внимательны: от каждого шага здесь для вас многое в дальнейшей жизни будет зависеть. Вот приход ко мне ваш уже первый прокол. А промашек не должно быть. Времени нет вас перековывать, переучивать, нам готовые люди нужны.

Сказать по правде, Алексей мало что уразумел из того, что ему было сказано, но уже спустя полчаса лишний раз убедился в своей нерасторопности. Придя в казарму, он обнаружил, что его место уже занято каким-то здоровенным детской, а вещи небрежно сброшены на пол, да и попотрошили его чемодан, по всему чувствовалось, изрядно. Однако скандал нельзя было поднимать: армейский быт «срочной службы» помнился достаточно хорошо.

«Странно, „дедов“ здесь вроде никак не должно быть, раз мы все приехали в один день, – подумал Алексей. – Почему же сразу такой беспредел? Среди бела дня у всех на глазах чужие вещи переворачивать – чего же дальше ждать? Может, всё-таки сходить, вернуться, тому мужику пожаловаться? Нет, отлупят, сволочи, непременно отлупят, накро-

ют одеялом и тёмную устроят, это уж как пить дать».

Подрезов счёл за лучшее промолчать, собрал, что осталось из пожиток и пошёл искать свободное место. Собственно, какие места – самые настоящие нары в три яруса. А значит, чем ниже лежанка... «Ладно, три месяца не такой уж большой срок, отмучаюсь как-нибудь», – подумал Алексей и нашёл всё-таки место посередине. Теперь уже, наученный горьким опытом, он никуда с него не отлучался, хотя на обед, как только позвали, он побежал одним из первых, чтобы, опять же, «застолбить» стол поприличнее.

Однако и тут ему не повезло: практически все места были заняты.

«И это уже на все три месяца! – с тоской подумалось Подрезову. – Чёрт побери, как же они успевают-то хоть? Как будто тренировка особая. Ведь все из разных городов, областей приехали, ещё несколько часов назад никто друг друга не знал. И вдруг определились, перезнакомились!»

У Алексея от неприятных предчувствий заняло под ложечкой; он с трудом запихивал в себя жуткую бурду, абы как приготовленную кухонным персоналом (вот ещё место, куда он не попал, а следовало бы! Ну что бы и ему на день раньше подсуетиться?), понимая, что ни роптать, ни оставлять что-либо несъеденным здесь не принято. Тем более что хоть в чём-то ему наконец повезло: он уже хотел было прилечь в самом дальнем углу, как его вдруг окликнули:

«Эй, друг, иди сюда, тут стульчик свободный!» Отказываться было глупо. Алексей судорожно вспоминал мельчайшие подробности своего прошлого «служивого» опыта, достаточно откровенно отвечал на вопросы, которые ему задавали товарищи за столом, да и вообще чувствовал себя уже гораздо легче, руководствуясь золотым армейским правилом: «Смотри на меня – делай, как я!» Все ели – и он ел, никто не морщился, не костерил поваров последними словами – и он помалкивал.

Однако ближе к отбою Подрезова ждало жестокое разочарование: человек, который окликнул его за столиком, попросил его поменяться с ним местами, точнее «нарами».

«Понятно, услуга за услугу! – разозлился Подрезов. – Да услуги-то уж очень неравноценные».

Конечно, он мог отказаться...

– Послушай, – сказал человек, который за «трапезой» представился Аркадием, – ты не пожалеешь, за мной не задержится. Я просто чуть-чуть запоздал, но кого это интересует? Однако мне с самого верха никак нельзя начинать, вскоре сам поймёшь.

«Ладно, чёрт с ними со всеми. Главное, что первый день – блин горелый, со сковородки слетел, отсчёт начался, – думал Алексей, ворочаясь на своей жёсткой лежанке. – Ещё девяносто-суток-без-шуток папке твоему осталось отгрубить, Настёна. Две-тысячи-сто-шестьдесят-часов-на-ногах-сто-пудов, сто- двадцать-девять-тысяч-шесть-

сот-минут-на-аркане-ведут, семь-миллионов- семьсот-семь-десять-шесть-тысяч-секунд-становись-во-фрунт. На пальчиках точно не поместится – будем зарубки делать, как Робинзон Крузо. И всё-таки странно: почему все здесь в штатском и нам форму никому не выдали?»

Глава 3

Форму не выдали и на следующий день. Алексей быстро сообразил, что и тут он оказался не на высоте. Одежда играла своё, как видно очень важное, значение. И в своих застиранных, ещё институтских, джинсишках, не говоря уже о рубашке с обтрёпанным воротничком и свитере домашней вязки, Подрезов смотрелся жалко. Конечно, попадались чудачки и вообще в тренировочных костюмах, но это было слабым утешением.

Вообще открытий он совершал с каждым часом всё больше. К примеру, городок их находился не в лесу и не в поле, а в обыкновенном микрорайоне; ограда и ворота были самые обычные, никакие увольнительные не требовались – можно было в любой момент отлучиться. Вот только куда? Здесь, как и везде, шагу нельзя было ступить без денег. Кино, пиво, из последних достижений – дискотека, на которой местные накачанные дебилы ревниво оберегали прыщавых доморощенных Василис. Так что Настёне не имело никакого смысла отрачивать коготки.

И вообще, тоска была смертная, хотя день по военной привычке был забит до отказа. Что ещё было странно – никакого оружия. Армия! Странная армия! И вместе с тем, когда кто-то из не в меру любопытных посторонних забредал на территорию, к нему тотчас подходил какой-нибудь веж-

ливый типчик, опять же из «сборной», опять же в штатском, говорил тихо какие-то слова и, как ни странно, слов этих бывало достаточно. Да, собственно, и случаи такие бывали диковинной редкостью.

Впрочем, желающие отводили душу и в прекрасно оборудованном тире, и в тренажёрном зале, и на тренировочных площадках. Алексей предпочитал отсиживаться в библиотеке, тоже прекрасной, кстати, по всем статьям. Никто не ругал его за это: его предпочтение считалось в порядке вещей, ничем не хуже других. Основное время у курсантов – в конце концов Подрезов решил, что попал он не на сборы, а на курсы – занимали всякого рода лекции, в основном тоже довольно привычные: о международном положении, перестройке, гласности, «негативных явлениях прошлого». Но было и кое-что поинтереснее: история и теория мошенничества – как не дать себя обмануть, вовлечь в какие-нибудь махинации; много времени уделялось законодательству, точнее «дырам» в нём, и особенно почему-то иностранным языкам, больше всего английскому.

Собственно, никто никого не принуждал к занятиям, можно было все дни проводить в спортивном зале, но бывать на лекциях считалось престижным и зальчики-аудитории никогда не пустовали. Выбор тем тоже оставался за слушателями, единственным условием, опять же, определялось то, чтобы рабочий день был забит до предела. Правда, иногда давались какие-нибудь указания сверху, в чём-то сложив-

шийся порядок корректировавшие, и приходилось им подчиняться.

Справившись с первым раздражением, Алексей довольно быстро приспособился к условиям, в которых он неожиданно для себя оказался. Кое-какими лекционными циклами даже упивался, к примеру, об иностранных трудовом и гражданском кодексах, а уж от компьютера, который казался ему здесь, при убогости оборудования на работе, совершенной диковинкой, его вообще невозможно было оторвать.

Тревожило Подрезова лишь одно обстоятельство: вокруг него бурлила очень напряжённая, на высшей точке кипения, деятельность, а он был как бы в стороне от неё. Наверно, потому что у него совершенно не было денег, так называемого «первоначального капитала», и он понятия не имел, как им разжиться. Попросить Алёну, чтобы она ему какую-нибудь, хоть малую, толику выслала, казалось кощунством, продать с себя ему тем более было нечего. А вокруг шёл нескончаемый, не прекращавшийся ни днём ни ночью торг. Люди перебирались с верхних мест на нижние или (жизнь есть жизнь!) понуро карабкались вверх. Прибарахлялись или, наоборот, натягивали затасканные «треники», разъезжали по городу в автомобилях, при нужде «пользовали» умопомрачительно длинноногих сексапильных девиц.

Очень быстро выяснилось, что за стенами городка, опять же за деньги, можно было найти что угодно: от ночных

баров до казино. Алексей после долгих размышлений пришёл к выводу, что готовят их не иначе как к засылке за границу, однако в отношении себя не строил никаких иллюзий, для шпионских целей он совершенно не подходил.

Глава 4

Впрочем, как ни комфортно Алексей чувствовал себя, постепенно обживаясь на непонятных «сборах», он с нетерпением ждал окончания положенного срока, чтобы вернуться домой к семье. Ему было жалко Алёну, она наверняка совсем измоталась, да и по детям он здорово скучал. Однако к его удивлению и даже ярости, когда три месяца истекли, никто и не думал устраивать экзамены, выдавать какие-то свидетельства, устраивать прощальные застолья. Работа шла своим чередом, занятия следовали за занятиями, темы не повторялись, а, наоборот, усложнялись. Постоянно вводились новые предметы. В то же время Подрезов успел заметить, что контингент слушателей не оставался неизменным – он постоянно менялся.

Знакомые лица встречались всё реже, и с Подрезовым в конце концов стали обращаться почтительно, как со старожилем. Ему даже удалось поменять свой статус: он заслужил-таки среднюю полку на нарах. Аркадий тоже оставался в числе курсантов, только теперь никто не называл его иначе, как Аркадием Владиславовичем, и он входил в так называемую организационную коллегия. Алексею в какой-то момент даже сделалось любопытно: человек практически достиг здесь всего, чего только можно, – долго ли он теперь ещё тут задержится?

Однако ясно было, что даже в такой ситуации Аркадий смог найти себя. Он внезапно сделался незаменимым: через него проворачивались постоянно какие-то большие тёмные дела, в которых участвовало, в числе прочих, практически всё курсовое начальство. Причём дел этих было множество и за пределы маленького городка, бездонности которого Подрезов не уставал удивляться, выходили они далеко, опутывая и пронизывая собой весь Советский Союз и постоянно где-то сплетаясь и переплетаясь с другими, подобными. Одним из направлений, как Алексей мог догадываться, была игра на деньги по переписке. Смысл вряд ли стоит здесь объяснять, но сущность сводилось к тому же, к чему и во всех играх подобного рода: проигрывал тот, кто подключался последним.

Как бы то ни было, Алексей долго не продержался и напросился на приём к начальству, желая узнать дальнейшую свою судьбу. Игорь Викентьевич Гладышев, начальник курсов, как и в прошлый раз, внимательно его выслушал, но в просьбе опять отказал.

– Не беспокойтесь, мы сами вам скажем, когда ваша учеба будет считаться завершённой.

Алексей помялся.

– Но ведь многие уже уехали, я здесь вроде как самый замшелый «дед». Постов никаких не занимаю, общественных нагрузок не несу, какая во мне необходимость?

Гладышев помрачнел, но предпочёл уклониться от пря-

мого ответа.

– Мы никак не можем с вами определиться. Есть трудности с вашей аттестацией.

– Трудности? – изумился Алексей. – Трудности со мной? Да я в институте таким «ботаном», зубрилой не был! Хорошо, назначьте мне индивидуальные испытания, я готов сдать любые экзамены. Да будет вам известно: я не пропустил ни одного занятия, усвоил «от и до» весь материал. Хотя здесь почему-то запрещено делать записи.

– Поверьте, мы не сомневаемся в ваших способностях, – едва удерживаясь от того, чтобы не повысить голос, пробрюзжал Игорь Викентьевич, – просто у нас свои критерии, которых вам не понять. Да вам и не нужно понимать. Надо просто набраться терпения.

Терпения! Алексей был возмущён произошедшим разговором до глубины души. Какое ещё могло быть с его стороны терпение? Он предельно точно выполнял все предписания, не участвовал ни в каких сделках, ни с кем не ссорился, «грыз науку» так, что того гляди должен был стереть на ней последние зубы, – что им ещё было надо? Может, они упустили из виду, что у него золотая медаль за школу, красный диплом в институте, ещё куча всяких удостоверений и справок, даже в университете марксизма-ленинизма он успел поучиться дважды на разных факультетах. Им вообще в отношении учёбы на заводе закрывали любые дыры, и он никогда

не роптал. Но тут взбунтовался. Да какое они имеют право!

«А имеют! – нашёптывал ему изнутри кто-то. – Как, интересно, ты заявишься на работе – без справки в бухгалтерию, без „корочки“? Выдерут с тебя деньги за три месяца, да ещё уволят по статье. Что ты тогда будешь делать?»»

Да, действительно положение его было незавидное. Даже в просьбе об отпуске, разрешении съездить в выходные на пару дней домой ему было отказано.

«Да и чёрт с ними! Сколько же мне здесь ещё обретаться?» – в конце концов решил наплевать на все доводы Подрезов, собрал вещички и затемно, выбрав подходящий момент, перемахнул через ограду и был таков.

Радости дома не было предела. И Пашка-первоклашка и Юлок так и не отходили от папки, буквально висли на нём. Настёна тоже с трудом себя сдерживала, искоса поглядывала на Алексея, делая вид, что страшно занята игрушками-куклашками, терпеливо дожидаясь своего часа, когда можно завладеть вниманием отца целиком. Алёна же не знала, куда посадить Алексея, чем вкусненьким его накормить.

С удовольствием работая челюстями и не переставая улыбаться детишкам, Подрезов узнавал последние новости. Которых было много, но которых, собственно, и не было. На работе всё хорошо, зарплату по доверенности жена получала без всяких затруднений. Тесть и тёща здоровы, порядок полный и у его родителей. Конечно, не обошлось без постоянных детских болезней, Пашкиных двоек и разбитых коленок

и носов, но в остальном «в Багдаде» было на удивление «всё спокойно». Только теперь Подрезов обнаружил, в каком бешеном ритме он крутился на «сборах», и окончательно убедился, что его готовили к засылке в другую страну. Что его, к слову, совершенно не привлекало. Деньги, конечно, деньги, да и не просто деньги, а чеки Внешпосылторга, на которые в специализированных магазинах «Берёзка» можно было купить весьма и весьма заманчивые вещи, но чёрт с ними, с деньгами, не в них, как говорится, счастье.

Глава 5

За ним пришли ночью. Двое дюжих ребят, которых Алексей хорошо помнил, как добровольных, «сборных», охранников. Они были достаточно вежливы, даже почтительны: не били Алексея, не выворачивали ему рук, просто сказали, чтобы он срочно оделся – их ждёт машина.

Алёна разволновалась.

– Алексей, что ты натворил? Что случилось? – плакала она, зажимая себе рот платком, чтобы не разбудить детей.

– Просто сбежал, – хмуро буркнул Подрезов. – Очень хотелось с вами увидеться.

– Зачем, Лёша? Неужели ты не мог дотерпеть? Что с нами теперь будет? Тебя посадят, да? Посадят?

Алексей и сам невесело рассуждал о своей дальнейшей судьбе. Он никак не ожидал, что система окажется в отношении него столь расторопной, сработает так быстро.

Хмуро ждал он и после, что с ним дальше произойдёт, но все делали вид, будто ничего особенного не случилось. Ну, сорвался парень, вернулся обратно, будет ему урок. Никто не собирался сажать Алексея в тюрьму, да и вообще, как он успел заметить, на курсах не было даже карцера. Лишь Аркадий, увидев его, покачал головой.

– Да, слабак ты оказался, парень. За мной кое-какой должок в отношении тебя, поэтому хочу дать тебе совет. Ты

опустился на одну ступеньку ниже, а их не так уж много здесь, таких ступенек. Не совершай больше ошибок, иначе когда-нибудь придётся локти кусать в бессилии, а выправить что-либо уже будет невозможно. Вот возьми, – он протянул Подрезову визитку с номером своего телефона, – может, когда-нибудь понадобится. Парень ты вроде бы неплохой, но ещё раз советую: не пытайся перебить плетью обух.

Нельзя сказать, чтобы Алексей испугался предупреждения Аркадия, однако авторитет этого человека был для него слишком велик, чтобы к его словам не прислушаться. Он задумчиво повертел визитку в руках, затем спрятал её подальше: всякое может случиться. А ведь была у него мысль, прежде чем решиться на послушание, посоветоваться с Аркадием. Но хорошая мысль, как говорят, всегда приходит слишком поздно.

Подрезов без труда снова вписался в привычный ритм и больше уже не помышлял о побеге. Хотя особенно его возмущала жена: он решил на такой поступок ради неё, а встретил осуждение. Впрочем, не исключено, что Алёна была права.

Пришёл момент и Алексею уезжать, однако оказалось, что учёба его ещё не закончена. Он был изрядно напуган этим обстоятельством, но опасения его, к счастью, не подтвердились: теперь его перевели в Москву, он получил возможность в выходные бывать дома, так что можно было считать, что самое страшное позади. Его не посадили – даже поощрили,

а не наказали, что означало, вполне вероятно, полное прощение его проступка – о чём ещё можно было мечтать? Ну а ступенечка... Даже если Аркадий и был прав, Подрезов уже свыкся с мыслью, что о какой бы то ни было карьере в его случае не следует даже думать.

Глава 6

Так получилось, что Аркадия перевели вместе с ним; довелось Подрезову однажды даже свидеться со своим парторгом: тот сначала вытаращил глаза от изумления, затем покачал головой скептически – этот-то придурок, мол, интересно, что здесь делает? Ну а вообще, лица тут уже было совершенно бесполезно запоминать, настолько стремительно они менялись. Ни о каких нарах, казармах уже не шла речь, курсы проходили в закрытом пансионате в сосновом бору на берегу реки, условия были самые что ни на есть комфортные, питание на высочайшем уровне.

Алексей приободрился, избавился от терзавших его мрачных мыслей в отношении своей дальнейшей судьбы, дома даже заважничал. Что жена с превеликим удовольствием поощряла. Особенно она радовалась продуктовым наборам, которые Алексей получил теперь право приобретать в спецбуфете. Его немного уязвляло, правда, то, что талоны на пайки были разные и его талон, соответственно, был не из самых престижных, но утешало и даже вселяло гордость другое: очень многие люди, которые выделялись на предыдущих курсах своей предприимчивостью, хваткостью, сюда не попали, а вот некоторые молчуны-тугодумы вроде Подрезова вдруг сей чести удостоились. Начальство, видимо, свои, особые, выводы сделало, и справедливость в какой-то мере вос-

торжествовала.

Собственно, здесь, в этом пансионате, Подрезов готов был находиться сколько угодно: сменились не только условия – и предметы были гораздо интереснее, и уровень преподавания на порядок выше. Однако всё хорошее когда-нибудь заканчивается: уже через месяц Подрезову вручили справку для бухгалтерии, выдали «корочки» – на том и закончилась его «малина».

Алексей вернулся на родной завод в своеобразном ореоле: было известно, что он исхитрился побывать на каких-то весьма престижных курсах, обзавёлся там солидной поддержкой, и теперь все вокруг дружно прочили ему скорое повышение. Постепенно уверился в этом и сам Алексей, порой с ехидцей поглядывая на мастодонта-парторга: новые веяния делали его «членство в рядах КПСС» желательным, но совсем не обязательным. Ведь выбрали же его для такой ответственной учёбы и беспартийного!

Однако дни проходили за днями, месяцы за месяцами, а ничего ни вокруг, ни в личной судьбе Алексея так и не менялось. Учёба на странных курсах всё более вспоминалась ему как своеобразный отпуск, отдушина, доступная когда-то, а теперь абсолютно недостижимая. Алексей всё чаще корил себя за злополучный опрометчивый поступок, шестым чувством угадывая, что тот сыграл всё-таки, а может,

и сыграет ещё, какое-то своё, роковое значение в его судьбе. Затем события вдруг закрутились так, что стало не до воспоминаний.

Часть вторая

Глава 1

Подрезов с тоской смотрел на проходивших мимо людей, иногда тонким, неуверенным, срывающимся от стыда, голоском пытался рекламировать разложенные на асфальте напильники, пассатижи и прочую дребедень. Больше всего на свете он боялся сейчас встретить здесь, на пятчке возле универмага «Первомайский», одним из первых в Москве превратившегося в гигантскую барахолку, кого-нибудь из знакомых: никто бы не поверил, что он не ворует эти напильники на родном заводе, а перекупает их в магазинах. Но что-то надо было делать, как-то выкручиваться. Судьба вдруг повернулась боком не к нему одному: вся страна пустилась в какой-то диковинный, сумасшедший пляс, да и от самой страны, наверное, лишь две трети осталось. Вокруг усиленно что-то воровали, продавали и перепродавали, вот только Алексею, как он ни старался, ни в чём не везло.

Алёна не корила мужа, хотя каждый раз после похода по магазинам за продуктами возвращалась с лицом белее мела: цены неслись вскачь со скоростью поистине невообразимой. Испробовав всё, Подрезов решился наконец подключить к делу заветный, припасённый на самый что ни на есть

крайний случай шанс, хотя разочарований в последнее время столько испытал, что взял за принцип ничему больше не удивляться и ничем не обольщаться. Визитку Аркадия он берёт как зеницу ока, однако когда позвонил по заветному телефону, незнакомый голос ответил ему, что никаких Аркадиев здесь давно не проживает, а на попытки Подрезова что-то дополнительно разузнать на том конце провода просто повесили трубку.

Казалось всё, наступил, причём для него как всегда индивидуально, досрочно, конец света – оставалось только повеситься. Однако учёба на «сборах» чему-то научила Алексея, и он терпеливо принялся распутывать перемещения своего давнишнего «сокурсника». В конце концов его поиски увенчались успехом, но благожелательный (на сей раз!), нежный женский голосок уведомил его, что Аркадий Владиславович Гамов в отъезде, за границей и вернётся лишь через месяц.

Было от чего упасть духом. Тем более что после горячки поисков Алексей на свежую голову рассудил: собственно, а кто и что он Аркадию? Если прикинуть, сколько времени прошло с тех пор, когда они в последний раз виделись, человек этот далеко ушёл, высоко залез, какая для него корысть в каком-то жалком инженеришке?

Ничего не оставалось, как действовать самостоятельно. Наверное, Подрезов никогда бы не решился на что-либо подобное, если бы, опять же, не учёба на приснопамятных кур-

сах. Знания, которые он терпеливо заучивал там, вдруг самым неожиданным образом всплывали в его голове, делали происходящее вокруг и совершенно загадочное для большинства остальных людей, понятным и знакомым.

Первый вывод, к которому он пришёл – прошлое никогда не вернётся. Нравится ли ему или не нравится то, что обрушилось на его голову как снежный ком, но нужно приспособиться, так или иначе, к окружающей действительности. Помогало и здесь всё то же армейское правило: «Смотри на меня – делай, как я». Только надо было смотреть высоко вверх, задрав голову. То, что эти люди наверху ничего не боялись, действовали на виду, воровали без всякого зазрения совести, сначала очень смущало Подрезова и он чуть было не поддался общей тенденции брюзжания. Однако на брюзжание это могла уйти вся оставшаяся его жизнь, а за спиной у Алексея было четыре разинутых рта – отступить ему было некуда.

Конечно, он переоценил себя. Алексей жил замкнуто и потому партнёрами надёжными так и не обзавёлся; на бирже, на рынках он постоянно натёкался на знакомые лица, но своими знаниями делиться с ним никто не спешил, зато каждый был бы рад оставить его без последних порток (это тоже, к счастью, на курсах Алексей усвоил достаточно хорошо). Вообще, ещё и ещё, лишний раз, в который раз он убеждался: учёба на «сборах» снабдила его неоценимым опытом,

если бы только в коня был корм. Эх, если бы сейчас, хоть на недельку вновь так «собраться»!

Казалось бы, всё Алексей делал правильно: взял на себя и на жену кредиты в банке, за которые потом расплачивался пустыми, обесценивавшимися деньгами. Вложил полученный первоначальный капитал в стремительно растущие акции-предъявительские бумаги. Однако вот тот момент, когда бумаги эти внезапно рухнули, он пропустил: семья, работа – кому это было интересно? Стоит ли объяснять, что закончилась великая эпопея в итоге тем, что Подрезов не только ничего не приобрёл, но ещё и навешал себе на шею огромные долги.

В таком состоянии полного отчаяния, уже окончательно решивший на себя руки наложить, он и дозвонился до Гамова.

– А, Лёша! – отозвался тот неожиданно благожелательно. – Рад тебе. Хорошо, давай встретимся, поговорим.

Глава 2

Встреча была назначена в кафе, из тех новых, кооперативных, что не уступали иному ресторану по интерьеру и обслуживанию, однако приличной случаю одежки Алексей так и не нашёл – еле удалось уговорить швейцара впустить его. Аркадий был не один, долго давал какие-то поручения, инструктировал своих людей, шедших нескончаемой чередой: одни уходили, другие приходили. Наконец он освободился и похлопал Алексея по плечу.

– Извини, что заставил ждать, старик. Последний день я здесь, – сказал он, – завтра съезжаю. Моя «стекляшка», – с гордостью повёл он рукой вокруг, – но чересчур хлопотно получается с ней в последнее время. Бандиты стали уж слишком ретиво наезжать, чиновники поборами замучили, продаю недёшево, но практически за бесценок. Не знаю пока, чем другим стану заниматься, но что я о себе, ты-то как? Надеюсь, нормально устроился? Помню, на курсах ты был таким зубрилой, ничего, наверное, из преподаваемой науки не забыл?

Алексей, как ни тяжело было ему признаваться, с грустью поведал о своих несчастьях.

– Тоже легко понять, – ничуть не удивился Аркадий, задумчиво попыхивая сигаретой. – Ты ведь ничего не осознал тогда, когда я говорил тебе про ступеньку. А система рабо-

тала. Будет и дальше действовать, совсем голову тебе оттяпает, если не поймёшь, что к чему.

– Так, и в чём же она, загадочная ступенечка? – хмуро поинтересовался Алексей, не в силах скрыть уязвлённое самолюбие.

Аркадий пожал плечами.

– А почему, собственно, я должен тебе об этом говорить? Так ли уж я тебе обязан?

– Я расплачусь, – с наигранной уверенностью, срывающимся голосом произнёс Подрезов и поспешил откашляться, – пригожусь ещё. Я на всё готов. Вы моя последняя надежда.

– Что ж, – после некоторого размышления усмехнулся Аркадий, – в принципе, слово не рубль, с хорошим человеком можно и поделиться. Положение изменилось, Алёша, мы живём сейчас совсем в другой стране, в других условиях.

Подрезов досадливо подёрнул плечом.

– Знаю, на собственной шкуре ощутил уже. Что ещё скажете? Что прошлое никогда не вернётся? Я не совсем дурачок, многое понимаю, но что-то не срабатывает, не могу «догнать». Поверьте, я не стал бы беспокоить вас по пустякам, Аркадий Владиславович.

– Хорошо, – посерьёзnel Аркадий. – Тогда начнём урок. Ты достаточно пожил на этом свете, имеешь какой-то жизненный опыт. Что ты скажешь на то, что люди не все одинаковы?

– Так определено природой, обществом, – пожал плечами Алексей, – меня в последнее время достаточно жизнь потрепала, чтобы я тешился иллюзиями о всемирном равенстве, а уж тем более братстве.

– Однако перед Богом мы все равны, – усмехнулся Аркадий.

– Выровняемся после смерти, она так и так всех под одну гребёнку подстрижёт, – мрачно ответил Алексей. – Хотелось бы поближе к сути.

– К сути? – поднял брови Аркадий. – А суть проста. В каждом обществе – разовую дальше свою мысль – люди как-то разделяются. Как они, кстати, прежде подразделялись, не забыл ещё?

– А, ну как же, как же – такое забыть! Крестьяне, рабочие, ещё – интеллигенция меж ними вшивая. Не знаю вот только, куда себя причислял чиновничий аппарат. Это тёмное дело, столь же загадочное, как тайна «золота партии».

– Чушь, согласен с тобой, но ты не вник в вопрос: может, я недостаточно чётко его поставил? Как всегда, во все времена, люди разделялись? Раз уж мы вступили сейчас в благословенный капитализм, это мы должны сознавать достаточно чётко, особенно хорошо – чтобы буквально от зубов отлетало. Ладно, не буду мучить тебя, да ты и вправе не согласиться со мной, но я знаю только четыре группы, вида, класса – называй как угодно. Хозяева эти на самом верху; среди них разновидностей не перечесть: хозяева хозяев, хозяе-

ва-собственники и даже хозяйева-холуи, да, да, не прикидывайся недоумком, тебе не идёт, задницы лижут с утра до ночи всяким бонзам-божкам, а над нами всё равно хозяйева. Батраки – те, кто под ними. И тут кого только нет! От наёмника до холопа. Киллер вшивый и тот батрак! Кто там ниже? Категории – да, вот, пожалуй, самое удачное определение, категории людей, которых и людьми-то трудно назвать, так – рабы, скоты. Как тебе моё разделение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.